

«Мы позволили развалить страну!»

В 1993-м острое интервью с Виктором Розовым не опубликовали стр. 4–5

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 190

Основана в 1830 году при участии А.С. Пушкина. Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. Горького

№41

(6708)

9 – 15 октября 2019

www.lgz.ru

Выходит по средам

ЧИТАЙТЕ

3 Бастуем по-итальянски

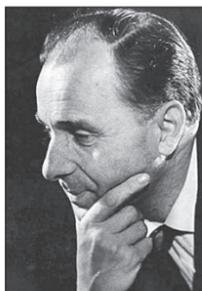
Парадокс. Не столько митинги, сколько предельно строгое соблюдение должностных инструкций, норм и правил стало в начале этого года одной из основных форм протеста, а потом к итальянским забастовкам добавилось коллективное увольнение.

9 Прямо к солнцу

Направляем полёт мысли к высокому с Александром Мелиховым. Эксклюзивно для «ЛГ» – новая притча известного писателя «Альбатросы и павлины».

14 • 15 Долгий путь в первом ряду народа

Им было чуть больше двадцати, когда летом 1946 года, вернувшись с войны, они поступили в Литературный институт. О минёре, ставшем тогда студентом, писателе-фронтовике Михаиле Годенко, всего десять дней не дожившем до векового юбилея, вспоминает его товарищ и однокашник Владимир Бушин.

КНИГА НЕДЕЛИ

Лицей 2019. Третий выпуск / предисл. Ким Тэ Хона, Владимира Григорьева, Александра Архангельского.

– М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.

– 631 с. – 1000 экз.

В этот сборник вошли стихи и проза лауреатов 2019 года самой престижной молодёжной литературной награды России – премии «Лицей» имени Александра Пушкина. ■

СОБЫТИЕ

Это было у моря

В Крыму завершила работу творческая резиденция «Таврида Лит»

Семинары финалистов и экспертов премий «Большая книга» и «Лицей», мастер-классы мэтров из отделов прозы и поэзии толстых журналов «Знамя» и «Новый мир», творческие встречи с писателями, скайп-сессии с основателями литературных агентств – творческая резиденция «Таврида Лит», организованная в рамках форума молодых деятелей культуры и искусств «Таврида 5.0», объединила 200 молодых прозаиков, поэтов и критиков.

Новые реалисты (Захар Прилепин, Роман Сенчин, Сергей Шаргунов) – выходцы из «Липок», молодые авторы «Редакции Елены Шубиной» – финалисты премий «Лицей» и «Русские рифмы», современные драматурги – участники фестиваля молодой драматургии «Любимовка»... Значит, социальные

лифты для талантливой молодёжи действительно работают.

«Таврида Лит» – это шестнадцать спецсеминаров по искусству редактору, правильному пиару и созданию бренда, развитию возможностей литераторов на телевидении, особенностям жанра Young adult, криминальной и социальной тематике в литературе, приёмам удержания внимания в произведениях. Сорок два мастер-класса для начинающих авторов (от Михаила Бутова, Ольги Новиковой, Ольги Ермолаевой, Шамиля Идиатулина, Екатерины Матюшкиной и Егора Апполонова). Более двадцати пяти отобранных произведений для публикации в сборнике рассказов и стихов. Пять скайп-сессий: с главным редактором «РЕШ» Еленой Шубиной, писателем Гузель Яхиной,

основателями литературных агентств «Флоберуим», «Гумен и Смирнова» Ольгой Аминовой и Юлией Гумен, руководителем юридической службы Ridero Анной Бессмертной. Тринадцать поддержанных грантом социальных проектов, направленных на повышение интереса подростков к чтению, поиск и продюсирование молодых писателей и журналистов, создание лаборатории для удмуртских писателей, организацию литературных интенсивов для северокавказских авторов...

«Таврида Лит» – важный социальный лифт, помогающий молодым авторам внедриться в профессиональное сообщество и понять, в каком направлении двигаться дальше.

Дарья Свитаило

Льготная подписка на «ЛГ»-2019 – выгодно и удобно!

Для всех регионов РФ, с доставкой на дом

в редакции

г. Москва, ул. Б. Никитская, дом 50-А/5, стр. 1, 2-й эт., комн. 21. Тел.: 8-499-788-01-12

ИЛИ

на сайте
www.lgz.ru

Стоимость подписки на месяц 117 руб.

2 СОБЫТИЯ И МНЕНИЯ

ОЧЕВИДЕЦ

Анатолий Макаров, писатель

Ботинки и воронки

Наши телеведущие не смотрятся как нуждающиеся. И я был удивлён, когда один из них саркастично высказался о намерении Н.С. Хрущёва поднять уровень жизни советских людей. В этом телезвезда увидела... потакание мещанским идеалам.

Я сам из поколения, которое первые приличные ботинки надело при «кукурузнике», и хотел бы задать молодому ведущему пару житейских вопросов. Например, томился ли он в очереди за мукой или за сахаром? Донашивал ли пальто?

Думаю, ответы были бы отрицательными. А коль так, вряд ли стоит упрекать кого-то, кто при всех своих закидонах понимал, что его сограждане заслужили элементарное право жить по-человечески.

Между прочим, отнюдь не все вожди СССР разделяли такой подход. Живучей была левацкая склонность клеймить комфорт как «буржуазный предрассудок». Думаю, нынешний хамский гламур во многом потому и расцвёл, что очень долго ревнивые идеологи приписывали греховность даже скромному стремлению к достатку. Мол, как можно думать о тёплом туалете, а не грезить о всемирном счастье трудящихся? Вот и переросла скромная мечта в оскорбительность рублёвских золотых унитазов.

Не помнить о насущных нуждах людей — глупо, осуждать за них — недальновидно и несправедливо. Ныне сторонники слинявшей в три дня, по выражению Розанова, российской монархии сильно не одобряют революционеров или одетых в шинели мужиков за нежелание продолжать мировую войну. То есть гнить в Мазурских болотах, глотать в окопах иприт и тому подобное. Конечно, ознакомившись со взглядами, например, Павла Милюкова, можно проникнуться его идеалами российского величия, однако прочитав «Тихий Дон» и «Россию, кровью умытую», любой ясно представит, чьими страданиями и горем это условное величие приобреталось.

Так что не следует извещать в адрес тех, кто хотел себе и людям земного благополучия. Назовите его хоть мещанским, хоть мелкобуржуазным, но имейте в виду, что волнуемый идеал общественного или национального возвышения не достигается на фоне бытовой ущербности и мытарств из-за безденежья.

Как хотите, но всякая высокая миссия немиссима без устройства цивилизованного быта. Что, к счастью, постепенно происходит. Почти в любом магазине Москвы вместо разъярённой толкотни встречаю улыбку, а за стёклами элегантных кафе вижу нарядную молодёжь. И тогда размышления об особом предназначении русских не кажутся такими уж абсурдистскими. Так бы всюду в стране!

На память приходит циничный анекдот времён перестройки: чего, мол, бились с немцами, лучше бы быстро сдались и пили бы себе баварское... В обстоятельствах постоянного «дюфсита», издевательского отсутствия самого необходимого это соображение кому-то казалось остроумным. Слава богу, со временем подлая логика была преодолена созидательной. Выяснилось: чтобы пить хорошее пиво, не нужно проигрывать войну, достаточно поставить экономику на нормальные рельсы и дать людям свободу.

Теперь, когда классного пива, в том числе у себя произведённого, хоть залейся, любому человеку становится всё более понятно, что для счастья этого унизительно мало. Чего-то всемирного, непостижимого требует неуёмная русская натура! Мы на многое способны. Властям лишь надо поддерживать это и не злоупотреблять русским долготерпением.

Понятнее многим и то, что нет чёрного и белого, поэтому странно слышать на дискуссиях по ТВ, что беды наши начались с XX съезда КПСС. Но на каких бы форумах, перед какой необъятной аудиторией демонстрировали бы интеллектуалы эрудицию, если бы не тот съезд? И не повезли бы их с дискуссии на чёрном воронке куда-то далеко? ■

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ЗЛОБА ДНЯ

Нелёгкий путь к согласию

Ожидания после подписания «формулы Штайнмайера»

Динамика событий на Украине набрала новые обороты. Звучат различные версии их развития, подчас фантастические. А ясности нет. Непонятно и то, как дальше будут жить люди в народных республиках, когда обретут уверенность в завтрашнем дне. Что думают специалисты?

Родион Мирошник,
дипломатический советник
главы ЛНР:

— Подписанная «формула Штайнмайера» содержит обязательства со стороны Украины, никаких обязательств народных республик не предусмотрено. При этом на Украине появились свои трактовки «формулы», в том числе президентом Зеленским, которые не согласуются ни с ней, ни с Минскими соглашениями.

Обходится стороной, что в соответствии с документами наши войска, а это народная милиция, в которой состоят граждане республик, никуда не уходят, как никто, прежде всего воины ВСУ, к нам не приходят. В документах нет речи, что кто-то у нас будет нас контролировать и что-то нам навязывать. Решения должны приниматься только по согласованию сторон.

Кость Бондаренко,
политолог (Киев):

— Впереди долгий переговорный процесс. Ведь есть, помимо всего прочего, масса жизненных проблем — деблокада Донбасса, транспортное сообщение, экономические отношения — как, на какой основе и на каких принципах их строить? Допустим, украинский инвестор хочет прийти в Донбасс — как это сделать?..

Выражаю осторожный оптимизм, поскольку сложилась благоприятная международная обстановка, явно изменилась позиция Германии и Франции — грубо говоря, понятно, что на бардаке надо ставить точку. И это даёт новые возможности Зеленскому.

Владимир Олейник,
украинский политик:

— «Формула» — скорее протокол о намерениях, который надо ещё имплементировать. Когда я узнал, что украинский представитель подписал документ, то подумал, а почему не говорят, что подписал «с большим отвращением»? И даже на отдельном листе, как бы показывая, что кто-то ему не ровня.

Если Путин или Меркель отчётливо понимают суть соглашений, то Зеленский этого ещё не осознал, если судить по тому, как он их трактует. Без решения политических вопросов никаких сдвигов в экономических отношениях и во многом другом не будет. Уверен также, что пока на Украине не появится президент, готовый приехать в Донбасс и напрямую говорить с ним, ждать позитива не следует.

Александр Семченко,
политолог (Киев):

— Да, вопросов полно, я далёк от оптимизма. Зеленский говорит о мире и тут же требует: сначала нам границу с Россией под контроль, а потом выборы. У него были возможности многое сделать, но он ими не воспользовался. Главная проблема не в том, чтобы договориться (это, конечно, важно), а в том, чтобы договорённости

выполнять. Пока не вижу стремления властей Украины к этому.

Олег Царёв,
депутат Верховной рады
Украины 4–7-го созывов:

— Я давно говорил: Минские соглашения будут выполнены. Так думаю и сейчас. Украине нужны инвестиции, а без выполнения ею своих обязательств они не придут. Так настроены Европа, Россия, даже США. Ясно и то, что выборы в Донбассе возможны только на основе законов, одобренных ДНР и ЛНР. Предрекают новый Майдан на Украине. Не думаю, что он станет успешным. Лёгкого и быстрого пути к миру нет. Задумывался над этим, перечитывая недавно книгу Бабея «Конармия».

Денис Денисов,
директор Института миротворческих инициатив и конфликтологии:

— Хочу обратить внимание на то, что своё письмо в поддержку «формулы Штайнмайера» посланцы ДНР и ЛНР подписали как «представители отдельных районов Донецкой и Луганской областей». Это о многом говорит. В любом случае пока рано говорить о некой безоговорочной победе добра. Можем впасть в заблуждение.

Мнения собрал
Владимир Сухомлинов

ОТ РЕДАКЦИИ. Главное, конечно, добиться прекращения военных действий и помнить о чаяниях дончан, которые, несмотря на все выпавшие испытания, не готовы принять тот «украинский порядок», который им пытаются навязать.

ФОТОГЛАС

Цветами и песней встретили в аэропорту ученики волгоградской школы № 55 «Долина знаний» своего учителя русского языка и литературы Ларису Арачашвили, прилетевшую из Москвы. 4 октября в Кремлёвском дворце ей вручили главный приз Всероссийского конкурса «Учитель года России» — Большого хрустального пеликана. Как ни парадоксально, но окончательно определилась с выбором профессии внучка учителя русского языка и литературы не тогда, когда поступала в педагогический вуз, а когда на практике работала вожатой. «Именно тогда, — сказала Лариса в одном из интервью, — я поняла, как важна эта детская любовь, какой это непередаваемый драйв — работать с детьми!..»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 1971 1979
Председатель редакционного совета
ЮРИЙ ПОЛЯКОВ
Главный редактор
МАКСИМ ЗАМШЕВ
Заместители главного редактора:
Леонид Колпаков, Анастасия Ермакова
Ответственный секретарь **Сергей Колпакчи**
Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, д. 50а/5, стр. 1

Отделы: **Политика и экономика** polit@lgz.ru
Общество t. 8-499-788-02-05, mazurova@lgz.ru
Искусство klv2004@bk.ru **Литература и библиография** t. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru
Клуб 12 стульев satira@lgz.ru **ТелевЕдение** televed@mail.ru **Литературная ярмарка** t. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru **Эл. почта** litgazeta@lgz.ru
Перепечатка и цитирование только с разрешения редакции. Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, д. 50а/5, стр. 1 Свидетельство ПИ № ФС77-70388 от 13.07.2017 г.

Председатель совета АНО **Андрей Тимохин**
Генеральный директор **Андрей Матвеев**

Тираж **113 800** экз.
Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт», 127247, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.

Номер подписан к печати 8 октября 2019 г. Зак. № 2788

Подписные индексы: 50067, 34189, 11717 — годовая подписка, ПР-381 — годовая подписка, ПР-195 — подписка на 1-е полугодие
Подписка и распространение: т. 8-499-788-01-12

ТРУД И КАПИТАЛ

Бастуем по-итальянски: Казань, Нижний Тагил, далее везде

Что толкает законопослушных граждан в ряды протестующих

В конце июля многие стройки в Казани замерли. Крановщики решили работать по правилам, соблюдая всё, что написано в законах, и остановили около 30 башенных кранов.

На износ

— Наши краны не проходят проверку технадзора, — объяснил один из инициаторов акции Юрий Шарипов. — Техника безопасности не соблюдается вообще. Подавали жалобу в Минстрой, но нас попросту не захотели слушать, отправляли то в одно, то в другое ведомство. Людей, превращая в самоубийц, заставляют рисковать жизнью ради выгоды для хозяина.

Сначала организация «Крановщики Казани» состояла из четырёх работников, сейчас их уже 45. Они были готовы создать ячейку официальных профсоюзов (ФНПР), но не нашли понимания. В результате вошли в Межрегиональный профсоюз «Рабочая ассоциация» (МПРА), известный забастовками на заводах, собирающих «Форд» и «Фольксваген».

Главное требование крановщиков — обеспечить соблюдение техники безопасности. Также протестующие потребовали поднять им зарплату, что тоже можно отнести к соблюдению техники безопасности. Зарплаты у них нищенские, приходится трудиться сверхурочно. И работодатели это поощряют. Если откажешься, не останешься на вторую смену, сразу найдут, за что тебя оштрафовать, а то и уволят. Не желая конфликтовать, люди работают до изнеможения, переносят болезни на ногах, и организм не успевает восстанавливаться. Растут ряды инвалидов в трудоспособном возрасте.

Крановщику в Казани платят примерно 200 рублей в час. То есть для того, чтобы заработать за месяц 60 тысяч, он должен провести на кране 300 часов, почти в два раза больше, чем положено по Трудовому кодексу. А ведь человек, который столько времени сидит и в жару, и в холод высоко в кабине, опасен не только для себя, но и для находящихся внизу, как и водитель на дороге, который от переработок засыпает за рулём.

Участвующая в протесте крановщица Анна Смирнова рассказала, что из-за напряжённого рабочего графика совсем не видит своих маленьких детей: «Никакой личной жизни. Да и вернёшься ли домой, тоже не знаешь. Кран взял груз и качается. Все механизмы в очень плохом состоянии, тормоза не держат, стропы старые».

В Кирове башенный кран рухнул на жилой дом. Крановщик погиб

Сверхурочные идут обычной ставкой — 200 рублей в час. По словам другого машиниста, Владимира Водолазова, переработки в конце концов могут привести к трагическим последствиям. Возникает расстройство, повернёшь ручку контроллера не в ту сторону — и полетит вниз груз, а может завалиться и сам кран. Для крановщика это могила, в лучшем случае инвалидность. А если кого-то задел — тюрьма. «Чтобы подняться на 75-метровый кран или спуститься с него, — рассказывает Владимир, — нужно минут пятнадцать, столовых на стройплощадках нет, поэтому обед берём наверх. Да и нужду, извините за подробности, приходится справлять прямо в кабине».

Большинство тех, кто принимает и крепит груз, не знают даже элементарных правил техники безопасности. За копейки нанимают мигрантов, которые не могут двух слов связать по-русски, а они ведь должны командовать техникой повышенной опасности.

Часто дома строятся в жилых кварталах, кран в неудовлетворительном техническом состоянии может упасть, например, на детскую площадку, которая находится рядом.

А эти строительные машины падают не только в Казани, а по всей России. В марте в Москве рухнул кран на проспекте Мира. Оборвался трос противовеса. В момент падения в кабине находился машинист, получил травму ноги. Лишь по счастливой случайности никого из прохожих не задело. В Ярославле, на Новосёлковской улице, верхняя секция крана упала с высоты 25 метров. Снесла угол строящегося дома и приземлилась на бетономешалку. Стропальщик пытался убежать от

падающей стрелы, но не успел, у него оказался перелом позвоночника и разбита голова. Крановщика зажал в кабине.

В Краснодаре кран опрокинул шквалистый ветер, 30-летний рабочий скончался на месте. В Самаре на стройке жилого комплекса огромный башенный кран рухнул на припаркованные внизу автомобили. В кабине находился крановщик: врачи пытались помочь ему, но мужчина умер в реанимации.

Срок службы башенного крана грузоподъёмностью 10 тонн — 10 лет, для грузоподъёмных свыше 10 тонн — 16 лет. Сейчас делают бизнес на отслуживших срок машинах: продают их по дешёвке частникам, и они оседают на наших стройках.

Когда крановщики в Казани отказались работать в таких условиях, вместо того чтобы начать с ними переговоры, хозяева строев набрали штрейкбрехеров. Остановили на время не слишком важные стройки, перевели оттуда специалистов. На один кран посадили человека с купленным удостоверением, на замену другому вызвали 66-летнюю пенсионерку. Она несколько дней поработала, потом отказалась. Доверили управление железной машиной неопытному 20-летнему парню. Но очень скоро его пришлось спустить вниз. А в основном угрозами увольнений, а также обещанием «повесить» на них просто загоняли на краны своих. И некоторые сдались.

Сейчас нормы нарушаются везде, на любом нашем предприятии можно останавливать работу по примеру крановщиков из Казани. Возьмём самое заметное — «АвтоВАЗ». Здесь погиб 52-летний рабочий. По

увольнении одновременно 12 медсестёр.

В Пензе работники скорой помощи решили прибегнуть к итальянской забастовке — форме протеста, при которой сотрудники предприятия предельно строго исполняют свои должностные обязанности и правила, а по правилам отправляться на вызов в одиночку фельдшер не имеет права. После этого администрация стала-таки укомплектовывать бригады, искать дополнительные кадры.

В марте объявили итальянскую забастовку сотрудники скорой в Можайске, в апреле к ним присоединились фельдшеры в Новгородской области, и в июле — Орловская и Тольяттинская станции скорых.

В Орле часть сотрудников решили работать только на одну ставку и не выезжают на вызов в неуполномоченных бригадах. В сентябре получили предупреждение администрации детской областной больницы в Великом Новгороде, пермской городской больницы, станции скорой помощи в Петрозаводске. Здесь врачи выезжают за смену на 20 вызовов, а допустимая норма 11–13. Из-за такой интенсивности люди не могут прерваться, чтобы даже поесть.

В перестроечной России много говорили о демократии, свободе, но в конце концов окончательно закрепили рядовых работников, приняв в начале двухтысячных новый Трудовой кодекс. Фактически стало невозможно объявить забастовку, не найдёшь даже помещения, где можно собраться вместе. Предприятия превращаются в подобие исправительных колоний. Можно лишь уволиться и перейти в другую такую же колонию.

Никто в одиночку не пойдёт на баррикады, должна быть защита, общественная организация, профсоюз, который будет отстаивать интересы своих членов. Крановщики Казани после короткой остановки производства обрели новые силы и надежды. «Самое главное, что ситуация меняется к лучшему, медленно, но меняется, — считает лидер, Юрий Шарипов. — Если в течение последних лет нас никто не слышал, то теперь и контролирующие органы зашевелились, и работодатели пошли нам навстречу. Мы всем доказали, что рабочий человек не раб, и убедились на практике, что коллективная борьба реально работает. Как ни банально это звучит, но вместе мы — сила».

Альберт Сперанский

**В тему:
30 сентября
о готовности
уволиться в знак
протеста заявили
26 сотрудников НИИ
детской онкологии
Центра имени
Блохина.**

производственной необходимости он спустился в подвал. Температура в цехе составляла 32 градуса. В подвале ещё выше, а вентиляция отсутствовала. Человек задохнулся. Когда его вытащили из подвала, пульс ещё был. Но скорая не успела...

Скорая не приедет

Шесть хирургов больницы Нижнего Тагила написали заявления об увольнении. Главной причиной назвали кадровый голод — на всю больницу шесть хирургов, на каждого в месяц приходится по 10 ночных дежурств, после которых врач обязан заступать на дневную смену.

«Не хочется сидеть в тюрьме, потому что в таких условиях легко что-то недосмотреть», — сказал один из хирургов, Иван Александров. Врачи обратились к администрации больницы с просьбой улучшить условия труда, однако не получили никакого ответа. Пришлось вмешаться министру Скворцовой. Она признала, что врачи работали по очень высокому коэффициенту совместительства — 2,34 ставки. При таком режиме человек просто не успевает восстанавливаться.

Коллективное увольнение — это новый вид протеста. После хирургов из Нижнего Тагила уволились травматологи пятигорской больницы, а в Александровской во Владимирской области подали заявления об

4 НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

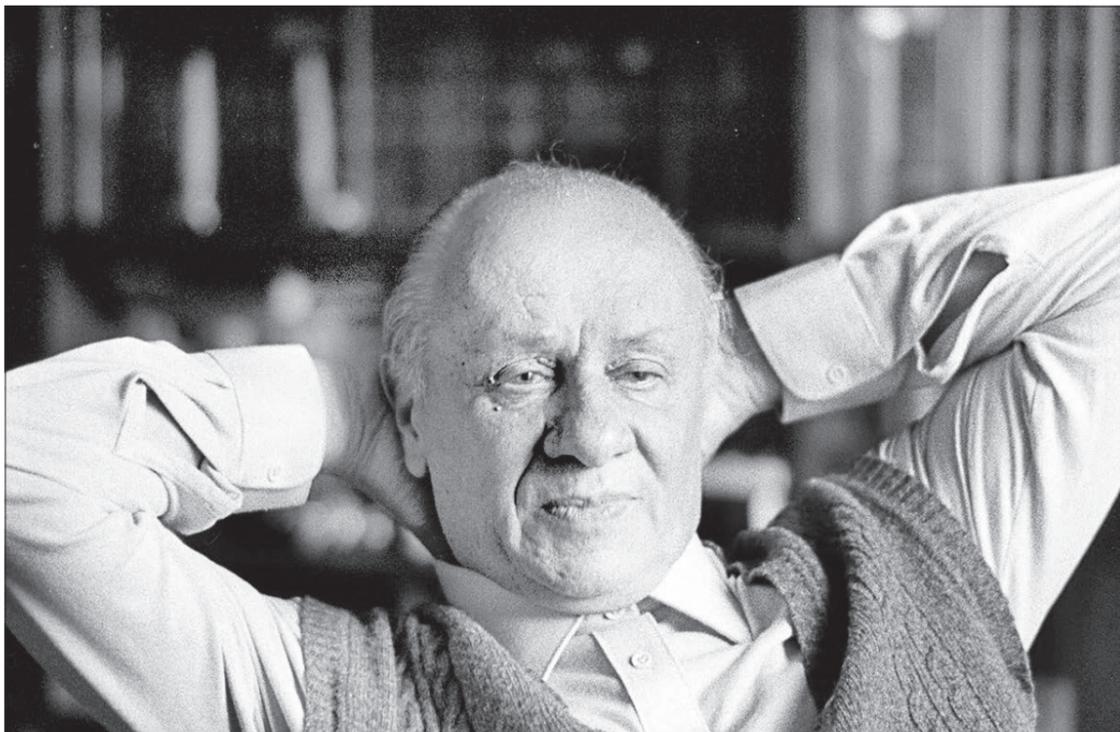
Виктор Розов: «Финал этой драмы опасно открыт»

15 лет назад не стало классика отечественной драматургии

Необходимое предисловие

Это интервью с Виктором Сергеевичем Розовым для одной из центральных газет состоялось в ноябре 1993 года — вскоре после трагического противостояния Верховного совета и президента РФ. Тогда в результате кровавых столкновений на улицах столицы, расстрела парламента и других событий жертвами, по одной из версий, стали более полутора сотен убитых и до четырёх сотен раненых... Розов глубоко переживал случившееся, не скрывая эмоций; говорил о причинах и возможных следствиях общественного раскола, о роли внутренних и внешних факторов и многом ином...

По не зависящим от автора причинам материал тогда не был напечатан. Сегодня, предлагая его вниманию читателей «ЛГ», хочется обратить внимание на то, что, несмотря на существенные изменения в нашей жизни, некоторые процессы и явления, вызывавшие острое беспокойство Виктора Сергеевича четверть с лишним века назад, сегодня, к сожалению, не утратили своей актуальности и остроты... Автор стремился передать некоторые живые черты личности замечательного писателя и гражданина, фронтовика, его щемящую боль за судьбу своей страны в её «минуты роковые», готовность на любые жертвы ради неё.

В.С. Розов (1913–2004)

— Виктор Сергеевич, размышляя о трагических событиях последних недель, пытаюсь понять их причину, логику, «истоки и смысл», наверное, стоит оглянуться назад, например, вспомнить события второй половины 80-х годов после прихода к власти Михаила Горбачёва...

— Перестройку я, как и многие соотечественники, принял с надеждой на грядущие изменения к лучшему. Многим, в том числе в высших эшелонах власти, было ясно, что реформы давно назрели. Подготовку к преобразованиям начал ещё в начале 80-х Ю.В. Андропов...

— Не кажется ли вам, что горбачёвская перестройка, приход к власти Б. Ельцина в 1991 году и нынешний расстрел парламента — звенья одной цепи?

— Нет, не кажется. Горбачёв и его соратники хотели улучшить жизнь советских людей, сделав более эффективной экономику, включая в неё элементы рынка, вести новую, более открытую внутреннюю политику, смягчив цензуру, проявлять больше прагматизма при выработке внешнеполитического курса и т.п. При этом не подвергались сомнению социалистический курс, единство страны. Я не говорю о реальных результатах деятельности первого президента СССР, а только о желаниях и стремлениях.

А в августе 1991 года произошла настоящая контрреволюция. Ельциным и его командой двигали и двигают болезненный властолюбие и банальный авантюризм. Перестройка закончилась, началось разрушение страны. Останавливают-

ся предприятия, люди лишаются работы. Родину продали за ваучеры, я, как и другие, за 10 тысяч рублей получил кусок страны. Во внешней политике РФ сдаёт позицию за позицией. В угоду Западу мы поссорились с Югославией, которая, возможно, спасла нас в 1941 году, когда отвлекла на себя немецкие дивизии. Гитлер напал на СССР не в мае, как планировал ранее, а в июне и поэтому не успел до наступления морозов провести блицкриг на Восточном фронте... Судя по реакции наших заокеанских «друзей» и некоторым другим признакам, сценарий августовских событий 1991 года был написан заранее и не здесь... Даже Ростропович из Парижа приехал защищать демократию, и вскоре появилась его фотография в Белом доме с автоматом в руках...

— Эффектная картинка...

— Да, но надо чётко разделять Богом данный талант человека и его общественную деятельность. В случае с Ростроповичем я высоко ценю его музыкальный дар и резко отрицательно отношусь к его политическим импровизациям. Примерно так же воспринимаю пианиста Николая Петрова. Его призыв бить оппонентов канделябрами обернулся танковыми залпами в центре столицы 4 октября 1993-го...

А уже на следующий день в «Известиях» было напечатано письмо 42 литераторов. Они призывали Ельцина запретить все оппозиционные организации и формирования, закрыть их печатные органы, признать незаконными Верховный совет РФ, Конституционный суд и т.п. Этот, по сути, призыв к репрессиям, который в народе получил

название по известной исторической ассоциации «Раздавить гадину!», был подписан известными писателями-гуманистами, «народными печальниками и заступниками». Среди них Дмитрий Лихачёв, Булат Окуджава, Григорий Бакланов, Борис Васильев, Даниил Гранин, Юрий Карякин Виктор Астафьев... Я был этим очень возмущён и написал своё письмо президенту. Но, наверное, он его даже не читал... Я нашёл своих единомышленников, когда 16 октября видные борцы с советским режимом Андрей Синявский, Владимир Максимов, Пётр Абовин-Едигес в «Независимой газете» написали, что в конфликте президента «с Верховным советом виноваты как минимум обе стороны и, может быть, больше виноват тот, у кого больше власти», также они напомнили, «что трагедия началась с президентского указа» (№ 1400). Авторы письма заявили, что Ельцин должен уйти: «Только отставка. Монастырь. Грехи замалчивать».

— Как вы думаете, почему именно писатели устремились едва ли не впереди паровоза?

— Один из результатов перестройки — обретенная свобода слова. Её апофеоз — издание в СССР «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына, после чего вскоре цензура приказала долго жить. Для некоторых литераторов остальное уже не важно, они наивно думают, что получили своё. Действительно, от цензуры писатели много страдали. И я сам мог бы рассказать, как мои пьесы запрещали, меняли названия, вмешивались в текст и т.п. Но я не понимаю тех, кто из-за это-

го остервенился на всю страну. Это мелко. Причём среди них большинство литераторов второго сорта...

— В письме 42 оппозиционеры ельцинскому режиму именуется «фашистами». Вообще сейчас много говорят о так называемом русском фашизме, предпринимаются попытки уравнять фашизм и коммунизм, даже термин такой появился: «красно-коричневые»... Писатель-фронтовик Булат Окуджава признаётся: «Я тоже был фашист, но только красный»... А другой «инженер человеческих душ» утверждает, что в Великой Отечественной один фашизм победил другой... Примеры можно множить.

— Всё это — мерзавство. Других слов у меня нет, чтобы выразить моё отвращение к ним. Пишут подобное мерзавцы, которые осознанно или по глупости играют на руку тем, кто ведёт наступление на нашу страну, на русскую нацию. Во время Отечественной войны с захватчиками сражались представители всех народов, населявших СССР. Русская нация в количественном отношении была самой многочисленной и самой сильной. Она сыграла в освобождении народов Европы ведущую роль, а, например, еврейскую нацию спасла от полного истребления... И когда освободителей называют фашистами, всячески дискредитируют Великую войну, в разы преувеличивая наши потери, стараясь доказать бездарность военачальников, их безжалостность или равнодушные к жизням своих солдат

и т.п., — это не только дикость и абсурд, но и свидетельство серьёзности намерений клеветников, которые не заблуждаются, а сознательно и подло лгут.

Я воевал недолго: в июле 1941-го вступил в восьмую дивизию народного ополчения Краснопресненского района столицы, а уже осенью под Вязьмой меня тяжело ранили. Нашу дивизию истребили почти целиком. По сравнению с великолепно оснащённым противником мы были практически безоружны, даже пушка была у нас на конной тяге... Политрук сказал нам: «Задача — задержать наступление противника хотя бы на два дня... Любой ценой, хоть бросайтесь немцам под ноги...» Я тогда этого не понимал, а теперь думаю, что за те два дня, когда нас перемальывали, как в мясорубке, на фронт прибыли сибирские дивизии, которые сыграли решающую роль в битве за Москву.

Вот говорят: «пушечное мясо». Но если кто-то хочет убить моего ребёнка, мою мать, я брошусь ему под ноги, брошусь на нож... Как-то в молодости я шёл в Третьяковскую галерею. Во дворе галереи грузчик разворачивался задом, а там оказался маленький мальчик, который не понимал, что водитель его не видит... Я не самый храбрый человек, но не раздумывая бросился к ребёнку и чудом выхватил его из-под колёс... Так же, когда началась война, я не раздумывая записался в ополчение. А как иначе?..

На войне было очень много плохого, но гораздо меньше, чем сейчас. Тогда мы в смертельной схватке отстаивали свою страну, сегодня мы позволили

её развалить. А также довести до упадка все сферы жизни — от хозяйственной до нравственной. Во время войны мы ясно осознавали свои цели на фронте и в тылу и уверенно к ним шли. Сегодня большинство из нас пребывает в растерянности на грани с отчаянием. Рушатся привычные идеалы и ценности. Попытки переписать историю Великой Отечественной — из той же оперы.

Когда я слышу, что мы плохо воевали, что маршал Жуков заваливал немцев трупами своих солдат, я вспоминаю Смердякова, персонажа «Братьев Карамазовых», который говорил: «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона... и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с».

— Среди тех, кто называет Г.К. Жукова «бездарным» полководцем, — такой колоритный персонаж, как Виктор Суворов (Резун) — бывший сотрудник резидентуры ГРУ в Женеве, в конце 70-х нарушивший присягу, бежавший в Великобританию, а ныне «альтернативный» историк. Он договорился до того, что не Гитлер, а Сталин развязал Вторую мировую войну, и это вызвало восторг у некоторых наших либералов.

— Да, всё серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Судя по всему, где-то запланировано порабощение русской нации. Переписыва-

ние истории, откровенная ложь о событиях и деятелях нашего прошлого служат этой цели. Они говорят о «русском фашизме», но их пропаганда очень напоминает геббельсовскую. А стрельба из танков по Белому дому в центре Москвы, поддержанная американской администрацией, — это разве не фашизм?..

— Но есть же нормальные, здоровые силы, которые этому противостоят...

— Большинство этих людей воспринимают события «чёрного октября» как страшную трагедию, но они растеряны, разобщены... Власть захватили самые мерзкие представители коммунистической номенклатуры, беспринципные перевёртыши, мутанты.

— Дело не ограничивается попытками переписать историю. Сегодня нередко можно слышать, что «патриотизм — последнее прибежище негодяя»... Эти слова английского писателя Сэмюэля Джонсона (XVIII в.) Лев Толстой приводит в «Круге чтения»... Но выяснилось, что Джонсон имел в виду показной, фальшивый патриотизм...

— Патриотизм русских для наших западных «друзей» — это, конечно, плохое, отвратительное чувство. В отличие, разумеется, от их собственного патриотизма. Кстати, как называется американский противоракетный комплекс, активно применяемый США и их союзниками, например, в Ираке? Не «Пэтриот» ли?..

Звучат призывы всем учить английский язык, потому что переход на него неизбежен. А, например, во Франции действует закон о защите французского языка, в том числе от вторжения англицизмов. На СМИ наложены ограничения, касающиеся употребления иностранных слов. Франция заботится о сохранении своей культуры, своей самобытности. Подобные процессы наблюдаются и в других европейских странах. А мы, «задрать штаны», готовы бежать за чужим дядей...

— Может быть, потому что долго находились за «железным занавесом», мечтая об американских джинсах, сигаретах, жвачке, кока-коле... А что касается культуры, в советские годы наши соотечественники много чего желали, но не могли посмотреть: ни «Крёстного отца», ни «Звёздные войны», ни «Челюсти»... И вот дорвались, теперь надо подождать, когда наедимся...

— Да уже, кажется, наелись... Кстати, я не против массовой культуры, в том числе и голливудской продукции. Это подчас любопытно, но по большому счёту чуждо нам. Плохо, когда чуждое вытесняет родное, определяющее нашу самобытность и духовность... Недавно мы с одиннадцатилетней внучкой были в театре на балете «Баядерка». В тот день я из-за своей гипертонии чувствовал себя плохо, думал, не остаться ли дома... Но, когда началось представление, я испытал душевное

прикосновение к прекрасному, вечному, родному, к гармонии мира в её вечном цветении. Испытав катарсис, я вышел из театра здоровым. Таково воздействие подлинного искусства.

— Сейчас происходят удивительные вещи. Писатели резко размежевались на «демократов» и «патриотов». Печатаются они в разных изданиях. В то же время... Д dissидент, лишённый советского гражданства, Владимир Максимов стал постоянным автором газеты «Правда». Только здесь он нашёл трибуну для критики нынешнего руководства РФ. Критики Лев Аннинский и Валентин Курбатов печатаются и в «правых», и в «левых» изданиях. Вы публикуете свои «Записные книжки» в газете «День». Как это прикажете понимать?

— Моя позиция такая же, как и у названных вами коллег: главное — не где печататься, а что говорить. Некоторые мои знакомые спрашивают, как я мог печататься в «Дне»? Отвечаю: «Я что-то не то сказал?» — «Нет, вы написали всё правильно. Но в такой газете...» Мне кажется, это узость и зашоренность мышления. Между прочим, в первой же опубликованной в «Дне» статье я написал, что в некоторых материалах этого издания меня настораживает грубый, упрощённый подход к сложным и серьёзным проблемам и явлениям. Вообще нам всем не хватает желания и терпения выслушать и попытаться понять друг друга.

— Виктор Сергеевич, вы — автор пьесы «Вечно живые», с постановки которой начался театр «Современник» и по мотивам которой снят фильм «Летят журавли». Это признанный шедевр, единственная отечественная полнометражная картина, удостоенная «Золотой пальмовой ветви» — главного приза Каннского кинофестиваля...

— ...Этой награды я так и не видел...

— Она, наверное, в Союзе кинематографистов.

— А я слышал, что её украли...

— Не приведи Бог... Как вы думаете, возможно ли сегодня создание произведений такого уровня? События последних лет, испытания, выпавшие на долю нашего народа, по их масштабам и степени трагизма дают обширный материал для глубокого осмысления и яркого их художественного воплощения.

— Феномен фильма «Летят журавли», был обусловлен тем, что Великая Отечественная, которая принесла нам столько горя и страданий, окончилась нашей победой. То, что происходит со страной сегодня, ещё не кончилось. Финал этой драмы опасно открыт. Мы должны бодрствовать, готовиться к новым испытаниям и верить, что Бог даст нам силы выстоять в смертельной схватке.

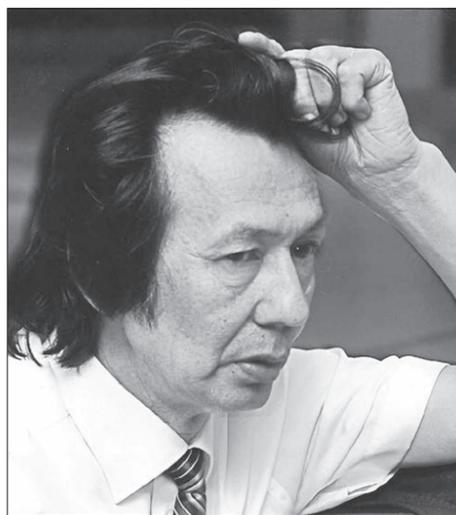
Беседу вёл
Александр Неверов

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Лицом к лицу

Пространство и время Рахимжана Отарбаева

В Москве прошла презентация двухтомника известного казахского писателя Рахимжана Отарбаева, выпущенного при финансовом содействии посольства Республики Казахстан в России издательством «Восточный экспресс». Писателя не стало полтора года назад. О творчестве Р. Отарбаева, его романах, повестях, рассказах и пьесах в Доме журналиста говорили советник-посланник Республики Казахстан в России Жанар Колбачева, переводчик Георгий Пряхин, главный редактор «Роман-газеты» Юрий Козлов, а также Виктор Черёмухин, Владимир Муссалитин, Леонид Колпаков, Олег Ожерельев, Абузар Багиров, Ермак Алданов.

Есть писатели, способные создавать яркие картины, на каком-то этапе превращающие рассказы в повести, повести — в романы и даже в эпопеи. А есть писатели, оттачивающие ту или иную деталь до бесконечности, и зачастую им удаётся её отточить. Выбирать для себя какую-то часть художественного поиска — значит ограничивать художественное пространство и время, значащее в литературе ой как много. Рахимжан Отарбаев умел видеть сквозь время, а пространство выстраивал так ясно

и так естественно, что писателю читатель верит: да, именно так и было, иначе и быть не могло! При этом Отарбаев способен преподнести и яркие картины, и отточенные детали. Так, например, одна из последних публикаций в «Юности», повесть «Плач Чингисхана», сразу привлекает читательское внимание и располагает к возможности ответить на те «проклятые» вопросы, которые ставит большая литература. Однако ответить на них не представляется возможным... Да, Рахимжан Отарбаев — это уже большая

литература. Сейчас это видно особенно чётко. Казалось бы, издаётся собрание сочинений, ещё один ряд книг, но не тут-то было. Отарбаевские герои заставляют возвращаться к ним снова и снова, а это примета живого писательского мышления. Перед нами классически выстроенный второй том сочинений писателя. Нам кажется, что с таким жанром, как повесть, читатель разберётся сам, а вот на некоторых отарбаевских рассказах стоит остановиться и задуматься. Особое внимание привлекает маленький рассказ «Отвергнутый мир» из цикла «Гостинцы из Китая», где главный герой, большой учёный, сумел отказаться от всего, что нажил и скопил за жизнь честным трудом. Однако история преподносится в ретроспективном ключе, через глаза оставленной любящей женщины, жены этого учёного. Здесь и срабатывает отарбаевская деталь: волосы, разлетающиеся по холодной постели, складки одежды, словно обитые на хозяйку или ещё на кого-то, потому что женщина одинока в своей любви и горе. Оставил ли женщину муж? Оставил ли свои идеи и ложные убеждения учёный? Люди ли оставлены и преданы сами себе? Мир отвергнут или мир отвергли сами люди? На эти

«проклятые» непростые вопросы онтологического характера и пытается дать ответ писатель. В маленьком рассказе умещены «проклятые» вопросы, свойственные для романной формы. В этом и заключается настоящее мастерство, которое мы отыщем у А. Чехова, такого же певца степи, которым является и Отарбаев. Пожалуй, его степь историко-философична, многоголосна и также вписана в онтологический план бытия, как и герои. Перед нами немодный писатель, потому что он заставляет читателя думать и обнажать совесть. А это теперь большая редкость, и мы рады ему поделиться с сегодняшним и будущим читателем Рахимжана Отарбаева.

Валерий Дударев

Вначале был писатель

Бумага служит человечеству более 500 лет, а о надёжности интернета говорить пока рано

Олег Рябов,
писатель, глав-
ный редактор
журнала «Ниж-
ний Новгород»

Испокон веков одной из важнейших человеческих ценностей являлась информация. Натан Ротшильд не был дураком, и принадлежащая ему мысль, что тот, кто владеет информацией, владеет миром, подтверждает его статус.

С древнейших времён вождь племени, король, князь рассказывал своему наследнику ему одному известные секреты: как руководить народом, государством, как вести себя с соседями, что покупать и что продавать. Жрецы и священники посвящали преемников в свои тайны, знахарь-врач делился знаниями с учеником, а у мастера учился ремеслу подмастерье. И чаще всего самая ценная информация передавалась по наследству, пусть и не родственному, но один на один. И это тянулось веками, а может, и тысячелетиями. Даже когда появилась письменность, разного рода наблюдения, памятные записки, книги создавались в единичных экземплярах. Только с появлением книгопечатания, то есть массового тиражирования знаний, информация стала распространяться с безумной скоростью. Это была техническая революция, одна из важнейших за всю историю человечества. Мир стал другим благодаря Гуттенбергу и его коллегам.

Теперь вопрос грамотности поставил перед человечеством новые задачи, имеющие практическое значение. Для многих людей, которые были заняты поиском новых знаний, чтение книг стало и инструментом, и дорогой. Но желающие владеть миром увидели во всеобщей грамотности совсем другие перспективы: в мире надо было срочно и повсеместно ликвидировать безграмотность, чтобы среди нового образованного народа быстро распространялась нужная информация, а благодаря этому была возможность манипулировать уже «образованным» населением.

А что касается носителей информации, то нам известны очень древние тексты, частично сохранившиеся на глиняных табличках, берестяных грамотах, папирусах, пергаментах и так далее. Но именно бумага, которая лучше всего подошла для технологии книгопечатания Гуттенберга, позволяет полноценно сохранять информацию столетиями. Даже за последние два-три поколения мы можем припомнить большое количество носителей информации, на которые возлагались серьёзные надежды. Фотопластины, киноплёнки, фотографии, поляроиды, плёночные магнитофоны и видео, кассетные, дисковые, проигрыватели шеллачных, а потом и виниловых грампластинок... Оказалось, что все эти носители не просто не вечные, но даже и недолговечные. Как много было потеряно информации из-за того, что мы слишком верили в них! И только бумага служит человечеству более пяти столетий.

О «вечности» интернета в смысле хранения информации и просто о его надёжности говорить пока рано. Слущ-

ком мало времени он существует. Хотя специалисты говорят, что часть Всемирной паутины иногда отрывается и улетает в небытие!

Когда на мой вопрос: «Читал ли ты «Острова в океане» Хемингуэя?» — мой товарищ отвечает мне, что он слушал роман со своей аудиосистемы, сидя в машине, мне кажется, что он не понял вопроса. После такого ответа, на вопрос по поводу прочтения романа Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина» я уже жду ответа, что мой товарищ смотрел балет с участием Майи Плисецкой и этого ему достаточно.

Что же касается детей, которые все сказки Пушкина в виде мультиков смотрели по телевизору и ещё будут смотреть, то я сразу вспоминаю замечательную реплику по поводу того, что те, кто читает книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор.

Поясню! Собака, корова, курица воспринимают мир как видеоряд, как движущуюся перед глазами картинку. То же самое происходит со зрителем, сидящим в кинотеатре или перед экраном телевизора. Это другое мировосприятие. Я уже не про то, что кино — это вообще другой вид искусства. Я ничуть не хочу принизить важности кино!

То же могу сказать о моих друзьях, которые слушают классическую литературу в формате аудиозаписей. Конечно, обидно впустую проводить десятки часов, стоя в автомобильных пробках. Аудиокниги — прекрасная возможность приобщиться к мировым знаниям и стать более образованным.

Только ведь я — о другом! Слух — это иная сигнальная система, и ею активно пользуется весь животный мир: и медведь, и лисичка, и ворона. Другое дело, что артист Ульянов или артист Смоктуновский действительно прекрасно читают, но это — другой вид искусства. И я ничуть не хочу умалить его значения. Любое высокое искусство заслуживает и всяческого внимания, и благодарения.

Просто часто вспоминается гоголевский герой Петрушка, слуга Чичикова, который очень любил читать, при этом ему было всё равно, что читать, — он наслаждался не красотой текста, а способностями человека из этих крючочков-буковок складывать слова, из слов фразы, а из фраз разумный законченный текст. То есть Гоголь в первой половине XIX века пришёл к выводу, что человеческий мозг — это мощнейший компьютер, который мы просто катастрофически недостаточно используем.

Вот эти крючочки, символы, буквы, цифры, иероглифы, с помощью которых человек научился выражать глубочайшие чувства, предельно точно фиксировать результаты и события, обмениваться сложнейшей научной информацией, и стали объектом обработки мощнейшим в мире компьютером — головным мозгом. И его надо постоянно тренировать и тестировать, то есть попросту — надо читать каждый день. Только упражняясь в чтении всё более и более сложных и качественных текстов, можно научиться получать наслаждение от художественной литературы, высокохудожественной литературы, ну и тем более от сложных научных исследований.

А теперь о другом.

Среди многочисленных видов искусства, а к ним кое-кто уже относит и рекламу, и ландшафтный дизайн, и такие виды прикладной деятельно-

сти, которые даже обсуждать не хочется, неоспоримых — всего-то — на пальцах пересчитать.

У Мнемозины было девять дочерей, девять муз, покровительниц искусств, и вот среди этих девяти шесть несли ответственность за различные жанры литературы. Это символично и естественно потому, что многие произведения вторичны по отношению к литературе.

Существование классического театра невозможно представить без писателя, который пишет пьесы (пантомима — не в счёт!). Мольер, Бернард Шоу, Чехов работали не просто для театра, а часто по заказу театра, сотрудничая с конкретными театрами, а иногда и под бенефис какого-то великого артиста.

Мало того, и опера не видит своего существования без писателя: «Евгений Онегин» и «Кармен» изначально были просто литературными произведениями. Попробовал бы Пласидо Домин-

что такой богатый и сложный текст писался и редактировался не одним человеком, и Библия — произведение коллективного автора, но то, что это произведение искусства, не вызывает сомнений. Так вот, подавляющее большинство шедевров мировой живописи, созданных и в эпоху Возрождения, и в древнерусской живописи, да и написанных в более позднее время, появилось на свет благодаря этой великой книге. Невозможно себе без неё представить существование Лувра, Эрмитажа, галереи Уффици, музея Прадо: проходишь по залам и понимаешь, что библейские мотивы, а значит, литература — самый сильный стимул к работе великих мастеров кисти и резца. Непонятно, как бы проявился гений Рафаэля без его «Сикстинской мадонны», Леонардо да Винчи без «Тайной вечери» или Андрея Рублёва без его «Троицы», не будь Священного Писания.

Вначале было слово. И тот, кто его написал

го петь телефонную книгу. Хотя жанр «вокализа» существует, но редко мы его слышим. Я уже не говорю про Аллу Пугачёву или Льва Лещенко, которые заказывают тексты песен известным поэтам.

Текст вдохновляет композиторов и на создание балетов: Дон Кихот и Анна Каренина танцуют, и зритель забывает, что вначале был писатель.

Эпоха немое кино безвозвратно ушла, и современный кинематограф почти всегда работает со сценарием. Некоторые писатели отказываются работать с кинорежиссёрами в плане написания сценария по своему готовому и опубликованному произведению, они не хотят ломать свои тексты, хотя не возражают, когда этим занимаются другие; так появляются фильмы, снятые «по мотивам». А есть авторы, которые зарабатывают деньги тем, что пишут киносценарии, конкретно не представляя себе в течение работы, кто будет снимать кино.

Библия — выдающееся литературное произведение: она включает в себя и исторические хроники, и любовную лирику, и мистические пророчества, и философские теории, и классические мелодрамы. Вполне естественно,

230 гравюр-шедевров, иллюстрирующих Библию, прославили Гюстава Доре на века; хотя и его художественные видеоряды, сопровождающие книги Рабле, Мильтона, Сервантеса, говорят о том, что литература его вдохновляла всегда и иллюстрации к литературным произведениям сделали ему имя.

У работников большинства творческих профессий: архитекторов, скульпторов, художников, артистов, композиторов — имеется некая табель о рангах, которая их всех выстраивает по ранжиру, то есть по качеству. Нам известны такие официальные звания, как заслуженный артист, народный артист, заслуженный работник культуры, заслуженный деятель искусств, заслуженный художник, академик живописи и так далее.

И только у писателей и поэтов нет этой градации. То есть существуют таланты в определённых видах искусств, которые можно разглядеть и оценить в баллах или в званиях, но существует и Божий дар, который даётся литераторам небесами, и этот дар, сумел его использовать мастер или нет, оценить современник не может или боится, отсылая решение этого вопроса на откуп потомкам. ■

БЕЛЫЕ АИСТЫ

Без скидки на молодость

Завершился четвёртый российско-белорусский конкурс «Мост дружбы»

На состоявшейся в Минске церемонии награждения победителей министр информации Республики Беларусь, известный писатель Александр Карлюкевич упомянул, что на первые «Мосты дружбы» приходили иной раз не рассказы в подлинном смысле слова, а публицистические произведения, да и просто «скромные сочинения». Между тем именно рассказ является жанром, по которому когда-нибудь будут судить о том, что занимало современников литературных героев, какие явления были характерны для описываемого времени.

В этом смысле воссозданная авторами картина действительности не всегда выглядит очень уж радужной. При этом молодость авторов отнюдь не повод обвинять их в легковесности или в чрезмерном отягощении жизненным негативизмом. Двадцатитрёхлетняя Екатерина Копыткова давно знакомый всем сюжет о попытке уголовного уморить ради квартиры «зажившегося» на белом свете старика сумела поднять до уровня, подразумевающего серьёзные раздумья о жизни и смерти. Минчанка Карина Пашкевич-Ломтева смо-

Карина Пашкевич-Ломтева

ла через описание трагикомических событий вокруг «жемчужной свадьбы» и передать тоску от жизненного тупика, и завершить рассказ лучиком надежды. Тот же луч надежды — у Виктора Чигирия из Владикавказа, объединяющего в рассказе «Метаморфозы» кошмар боёв в некоей «горячей точке» и упрямство персонажей, верящих в счастье и борющихся за него. Стоит упомянуть в этом ряду Дмитрия Лагутина из Брянска с его трогательной новеллой о братьях, осознающих, насколько они необходимы друг другу...

В любом случае отмеченные экспертным советом рассказы не дают повода относиться к их авторам с каким-либо снисхождением.

Важно, что в итоговом альманахе, публикующем произведения лауреатов, все отмеченные экспертным советом тексты напечатаны и на русском, и на белорусском, независимо от того, какой из них рассказчику ближе — язык Пушкина или язык Янки Купалы.

Олег Дзюба

ЭПИТАФИЯ

Не стало Евгения Федоровского

На 69-м году жизни скончался Евгений Федоровский, многолетний бильд-редактор «Литературной газеты»

Уверены — это скорбное известие тронет многих — и тех, кто работал с Женей в «ЛГ», и профессиональных фотографов — а он знал всех их до единого, и тех, кого ему довелось снимать в своё время для журнала «Советское фото», для «Известий», «Литературной газеты», «Коммерсанта», «Газеты» и опять родной «ЛГ», в которую он вернулся.

Выпускник факультета журналистики МГУ, он был подлинным профессионалом фотодела. И когда снимал под псевдонимом Фёдор Евгеньев, и когда отбирал чужие снимки для пуб-

ликация в газете, буклете, книге... И всегда радовался успехам коллег. Жени не стало, как говорится, после тяжёлой и продолжительной болезни. Которая, впрочем, не мешала ему фотографировать ещё в этом году. Но от самых последних заданий он уже отказывался — сил не хватало...

Он умел дружить и был надёжен абсолютно в любой житейской ситуации. Ему можно было позвонить поздно вечером, и он садился за руль и выручал... Он многое успел — и вырастить замечательного сына Андрея, и прожить счастливо

с женой Ларисой, и внука Артёма дожидаться. Был удивительно заботливым мужем, отцом, братом, дядей, сыном...

Останутся его многочисленные снимки — все съёмки газета, естественно, не смогла опубликовать, но мы ещё не раз к ним обратимся.

А нам, литгазетовцам — как нынешним, так и тем, кто уже в ней не работает, — будет не хватать Евгения Ивановича Федоровского, нашего дорогого Жени. Большого доброго человека, мастера и друга.

«ЛГ»

ЛИТИНФОРМБЮРО

Литпремии

Состоялась церемония награждения дипломантов и лауреатов Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами», учреждённой Союзом писателей России и Национальным фондом развития культуры, туризма и ремёсел «Осиянная Русь». «Большую премию» получил Алексей Полубота. В номинации «Честь и достоинство» награду разделили Сергей Трифонов и Альбина Маркевич. В других номинациях победителями 2019 года стали: Светлана Размыслович («Интернет-поэзия»), Зарина Бикмуллина («Русская надежда»), Ирина Рогозина («Дебют»), Юрий Блудов («Взыскующим взглядом»), Макарем Исмаил Фарес («Переводы»), Максим Павлов («Песенное слово») и Владимир Завикторин («Кино, театр, телевидение»). По традиции ведущим церемонии награждения был писатель и публицист Дмитрий Дарин.

В ЦДЛ вручили премию Фонда Русского Безружья. Первыми лауреатами премии стали Марина Кудимова (Россия) и Людмила Шарга (Украина). Премия вручается за вклад в русскую литературу в России и за её пределами. В чтениях принимали участие лауреаты премии Фонда РБ, а также авторы и лауреаты журнала «Гостиная» Татьяна Вольтская, Анна Гедымин, Галина Климова, Виктор Есипов, Ефим Бершин и Вера Зубарева. Лауреатами журнала «Гостиная» стали Татьяна Вольтская (поэзия) и Мария Бушуева (эссе памяти Ольги Бешенковской). Вели вечер главный редактор журнала, президент проекта РБ Вера Зубарева и редактор отдела поэзии «Гостиной» Ефим Бершин. Встреча состоялась при содействии Надежды Кондаковой.

Литсобытия

На Тамбовщине в 23-й раз прошли Богдановские чтения. В этом году в них принимали участие секретарь Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, поэт, переводчик Иван Голубничий и брат Вячеслава Богданова, член Союза писателей России, публицист Виктор Сошин. По традиции центральной площадкой праздника стала областная Пушкинская библиотека. Звучали стихи Вячеслава Богданова и воспоминания о нём. Вела вечер поэт, почётный гражданин города Тамбова Валентина Дорожкина. Кульминацией праздника стала встреча на малой родине Богданова, в районном центре Мордово, где установлен памятник поэту и где многие годы действует его музей. Состоялось вручение литературной премии имени Вячеслава Богданова «Светунец» за 2019 год. Лауреатами стали поэт Валентин Суховский, заместитель директора областной Пушкинской библиотеки Людмила Патрина и директор мордовской районной детской библиотеки Нина Васнева.

В Малом зале ЦДЛ прошёл вечер поэта, прозаика, переводчика, критика, автора историко-биографических произведений, секретаря Правления Союза писателей России Николая Переяслова. Он автор 42 книг, в том числе: «90-й псалом», «Чудо о Змие», «Река веры», «Коробушка», «Диски памяти», «Красный лорд», «Последний командарм», «Маяковский и Шенгели».

Николая Переяслова поздравили коллеги: Гарий Немченко, Юрий Пахомов, Ямил Мустафин, Валерий Латынин, Владимир Фёдоров, Андрей Шацков, Сергей Гловок, Николай Стародымов, Евгений Юшин, Сергей Бударин и другие писатели. С тёплыми словами выступила преподававшая раньше в Литинституте лингвист Нелли Мурнова. Поздравительная телеграмма пришла также из музея-заповедника М.А. Шолохова в станице Вешенской.

Литучёба

В Оренбургской области в восьмой раз состоялся ежегодный Всероссийский семинар-совещание молодых писателей «Мы выросли в России». Он традиционно проходит в рамках ежегодной культурной акции «Аксаковские дни в Оренбуржье», и апофеозом каждого семинара становится участие молодых авторов и руководителей секций в Аксаковском празднике. В этом году семинары вели: поэты Геннадий Калашников и Алексей Остудин, прозаики Пётр Краснов и Светлана Василенко, писатели-фантасты Роман Злотников и Сергей Чекмаев, публицисты Нина Ягодинцева и Вячеслав Моисеев, драматург Полина Бородина и писатель, кинорежиссёр Максим Гуреев. Лучшими молодыми авторами семинара-совещания стали: Александра Половинкина, Ирина Родионова, Таисия Севрюкова, Софья Луканова и Елена Смирнова. (Полный текст — на сайте «ЛГ».)

8 ЛИТЕРАТУРА

РАКУРС С ДИСКУРСОМ

Возвращение на орбиту

Дальний Восток становится ближе

В конце сентября стал известен длинный список литературной премии «Дальний Восток» имени В.К. Арсеньева. О новой награде и о том, что она изменит в литературном ландшафте нашей страны, рассказывает куратор проекта Вячеслав Коновалов.

— В этом году впервые будет вручаться премия «Дальний Восток» имени В.К. Арсеньева. Расскажите о ней подробнее. Как возникла идея такой награды?

— Изначально возникла не идея награды, а идея сшивания пространства родной страны, преодоления деструктивных центробежных сил, запущенных 30 лет назад и приведших как к потере части традиционно русских, российских земель, так и разрыву культурных связей между регионами России.

Вначале, конечно, было слово — мы с Василием Авченко, мэтром дальневосточной литературы, встретились под Нижним Новгородом, в родовой деревне писателя Захара Прилепина, и, как водится, разговор был о литературе. Разумеется, литературная история Дальнего Востока России не столь мощная, как история Центральной России, в силу позднего освоения и количества жителей, а следовательно, литературные традиции востока России не столь глубоки, как в Москве, Питере, Центральной России, однако Дальним Востоком интересовались классики — Пушкин, Гончаров, Чехов, потом возникли и собственные кадры — Н. Матвеев-Амурский, Арсеньев, Фадеев и другие. В XX веке сюда приезжали Пришвин и Гайдар, о Дальнем Востоке писали Сергей Диковский и Олег Куваев, Приморье дало таких авторов, как Иван Басаргин и Александр Плетнёв, своя литература возникла на Чукотке (не только Юрий Рытхэу),

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Вячеслав Коновалов родился в 1966 году. Окончил МВТУ им. Н.Э. Баумана и Финансовый университет при Правительстве РФ. Работал в международных консалтинговых компаниях в сфере управления и развития персонала, читал лекции и проводил мастер-классы в ведущих вузах России. С 2017 года занимается культурными проектами. Инициатор создания культурной платформы «КультБригада», соучредитель и организатор фестиваля «Литература Тихоокеанской России». Директор по развитию в журнале «Юность». Ведущий программы «Вечерняя смена» на «Радио России». Куратор кинолектория «Среда Истории» в кинотеатре «Иллюзион».

в Якутии, в Приамурье... Сегодня о Дальнем Востоке пишут не только сами дальневосточники, но и сибиряки, москвичи, питерцы. Это и Михаил Тарковский, и Александр Кузнецов-Гулянин, и Виктор Ремизов, и Андрей Геласимов, и Леонид Юзефович, и Эдуард Веркин. Но, к сожалению, сейчас интерес к Дальнему Востоку как тихоокеанскому фронтиру невелик.

Разумеется, сложившуюся ситуацию надо менять, надо возвращать Дальний Восток на орбиту большой русской литературы. Вот тут и появляется идея многособытийного, триединого возвращения Дальнего Востока в культурное поле страны — литературный фестиваль, литературная премия, литературная резиденция. А от идеи перешёл к делу, и уже спустя три месяца была готова концепция фестиваля «Литература Тихоокеанской России» (сокращённо ЛиТР), определился основной партнёр в лице Виктора Суханова и его медиахолдинга Приамедия, а финансовым партнёром фестиваля стала ВАРПЭ (Всероссийская ассоциация рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортёров) где президентству-

ет Герман Зверев, человек не чуждый литературного труда.

Первый фестиваль «Литература Тихоокеанской России» состоялся в июне 2018-го, и на круглом столе с представителями государственной власти Дальнего Востока я озвучил вице-премьеру, полпреду президента РФ в ДФО Юрию Трутневу своё видение развития литературной дальневосточной платформы и её составляющих. В результате этой судьбоносной встречи по инициативе Юрия Трутнева общероссийская литературная премия была учреждена. Одну из номинаций полпред финансирует лично. В результате широкого опроса в среде российских литераторов было принято решение дать этой премии имя В.К. Арсеньева.

— **Одна из основных целей премии — привлечь культурный интерес к Дальнему Востоку. Речь идёт только о литературе? Или в идеале должно стать ещё и туристическое паломничество в регион?**

— Во Владивостоке уже открываются филиалы Мариинки, Третьяковки, Русского музея — во многом с прицелом

на иностранцев, прежде всего китайцев, корейцев, японцев. Думаем, что и своя литературная премия имени Арсеньева поможет открыть Дальний Восток и России, и всему миру, а в самом регионе подтолкнёт культурные процессы, поможет зарождению и развитию дальневосточных талантов — литературных, живописных, кинематографических.

Что касается туристического паломничества, то, несомненно, литературная составляющая — неперемнная его часть. Фестиваль «Литература Тихоокеанской России», в котором принимают участие не только российские писатели и издатели, но и литераторы, переводчики и слависты из Вьетнама, Китая, Республики Корея, Японии и Франции, явился стартовой площадкой премии, и премия наследует наднациональный характер фестиваля, ведь мы рассматриваем любые произведения, безотносительно границ и национальной принадлежности писателя, главное — чтобы на русском языке и о Дальнем Востоке России.

— **По каким критериям отбираются произведения? Как вообще устроен «механизм» этой премии?**

— Критерий отбора один — литературная ценность и качество произведения. Все решения принимаются органами, утверждёнными и прописанными в Положении премии — не буду тут пересказывать все ступени и критерии отбора, «механизм» прост и надёжен. Залогом профессионализма премии, качества текстов служит наше жюри, которым, вне всякого сомнения, не может похвастаться ни одна премия страны: прозаик, куратор премии «Национальный бестселлер» Вадим Левенталь; писатель Лев Данилкин; ректор Литературного института им. М. Горького Алексей Варламов; писатель Евгений Водолазкин; детские писатели Анастасия и Юрий Нечипоренко; критик Андрей Рудалёв; глава издательства «Рубеж» Александр Колесов; директор музея-заповедника «Владивостокская крепость» Виктор Шалай; писатель Ольга Погодина-Кузмина; писатель, депутат Госдумы РФ Сергей Шаргунов, председатель жюри премии.

— **Что вы можете сказать о длинном списке этого года? Намечились ли какие-нибудь тенденции? Есть ли открытия?**

— Каждая книга, вошедшая в длинный список премии, во всех трёх номинациях — это высококачественная литература, а литература такого уровня — всегда открытие. Среди тенденций отметил бы возрождение интереса к исторической, мемуарной и краеведческой литературе, особенно у авторов Дальнего Востока, и это не может не радовать, поскольку данный интерес к себе, к своим корням, к своей традиции — свойство здоровой нации.

Беседу вела
Валерия Галкина

Полный текст — на сайте «ЛГ»

НЕСЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Жизнь после книги

В Библиотеке иностранной литературы начался цикл встреч «Книжный PostProduction», цель которого — рассказать читателям, что происходит после издания книги и как изменяются отношения автора и текста, когда произведение оказывается на магазинной полке. Это совместный проект «Иностранки» и «Редакции Елены Шубиной».

Первым гостем стала писатель, литературовед Майя Кучерская, которая рассказала про свою книгу «Современный патерик. Чтение для впавших

в уныние» — сборник историй, рассказов и анекдотов из жизни современной православной церкви. Встречу вели Татьяна Стоянова, бренд-менеджер «Редакции Елены Шубиной», и Алексей Юдин, советник генерального директора Библиотеки иностранной литературы, историк и телеведущий.

В своём выступлении Майя Кучерская поделилась историей публикации «Патерика». Первые десять рассказов из книги были написаны ещё в университетскую пору и отправлены в «ЛГ». Это и стало первой волной влия-

ния текста на жизнь писателя. «Несколько человек сказали, что это, наверное, часть книги. Я получила явные сигналы, что пора писать. И мне понравилась эта мысль», — рассказала Кучерская. Законченное произведение она отдала в журнал «Знамя». За публикацией последовал успех, и сложилось впечатление, будто всё православное духовенство в восторге от «Патерика». Но эта «благополучная волна» резко схлынула, когда книга дошла до широкого круга читателей, у которого вызвала множество критических отзывов и даже... проклятий. Но настоящая сла-

ва пришла тогда, когда в сибирской православной газете опубликовали рассказ «История православного ёжика» — без приписки о том, что текст на самом деле иронический... «Современный патерик» также несколько раз ставили на сцене. Одна из попыток, в Томском театре юного зрителя, получилась провальной, а вот спектакль в Новом московском драматическом театре — удался. Постановку можно увидеть и в настоящее время.

Татьяна Стоянова отметила, что сейчас произведение очень популярно не только у взрослого поколения, но и среди моло-

дёжи и почти весь тираж переиздания распродан.

Во время вечера автор зачитала некоторые, самые любимые её истории из книги. Большинство сюжетов — вымышленные, но и реальным фактам место в книге тоже нашлось. Кучерская призналась, что не знала, как закончить «Современный патерик», но потом возникла идея завершить книгу рассказом о Пасхе: «Мне казалось, что это искусственный конец, потому что «Патерик» такой разный... Но в итоге получилось правильно».

Татьяна Дремина

ПРОЗА

Альбатросы и павлины

Притча

Александр Мелихов

Альбатросы гнездились на пустынном острове, где хищникам почти не было поживы, зато папе-альбатросу ничего не стоило в поисках пропитания пролететь тысячу миль и вернуться к детёнышу с набитым клювом. Детёныши тоже пытались взлетать, чуть только им удавалось развернуть свои не по росту огромные складные крылья. Крылья у них были настолько огромны, что они могли взлететь лишь после длительного разбега, словно самые настоящие аэропланы, и альбатросы-подростки долго и неуклюже бежали по плотному песку вдоль линии прибоя, из последних сил взмывая орудиями полёта, более всего и тянущими их к земле.

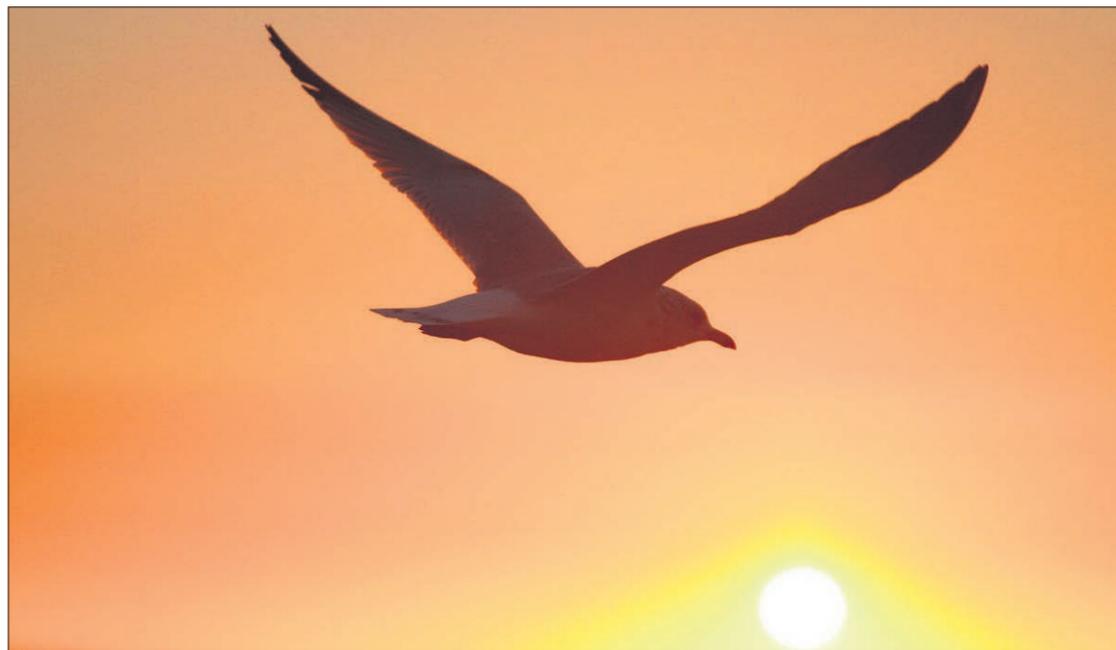
И едва им удавалось оторваться от земли, как они направляли свой отчаянный полёт в океан, стараясь не дать себя захлестнуть вскипающим у берега волнам. И тут из волн вырывались стремительные акулы, чтобы схватить своими беззубыми острозубыми пастями будущих королей воздуха.

Некоторым это удавалось, однако обиднее всего было то, что многие едва только ставшие на крыло юнцы плылись стремительно к акульим линиям, силой и точностью акульих бросков и сами устремлялись акулам в пасть, принимая их за своих союзников по будущим перелётам.

Но мой королевский альбатрос, чуть только вылупившись из единственного родительского яйца, уже знал, что лететь стоит только к солнцу. Он быстро убедился, что солнце недостижимо, что на слишком большой высоте становится нечем дышать и не на что опереться крыльям, но это означало лишь то, что подниматься нужно на самую большую высоту, на которую ты способен.

И ещё можно лететь прямо к солнцу, покуда оно не успело подняться чересчур высоко над океаном или погрузиться в него без следа. Случалось ему пролетать и над городами, и он догадывался, что башенки и шпили на дворцах и храмах — это тоже попытки земноводных оторваться от породивших их низких стихий, но уж до того были жалки их поползновения...

Устремляясь к солнцу, о пропитании можно было не беспокоиться — на сотнях и тысячах морских миль что-нибудь съедобное непременно подворачивалось. Ползущая по океанской глади махина парохода привлекла его исключительно визгом прожорливых чаек, которые просто так, зазря верещать не станут, и, задержавшись над ними на попутных воздушных струях, он понял, что эти кликуши тянутся за плавучим земноводным ради роскошных лакомств, доволь-

но часто вываливаемых с борта в пенный хвост. Любопытства ради он завис пониже и вдруг увидел кувыркающуюся в пене невероятно аппетитную рыбу какого-то невиданно морского цвета. Обмакнув концы могучих крыльев в пену, он без промаха ухватил лакомство, и — даже отдалённо сходной боли ему ещё не приходилось испытывать. И когда его втаскивали на борт, он старался даже опережать усилия ловцов, чтобы острый крюк на прозрачной леске поменьше раздирал его плоть.

А потом он сделался любимцем круизных бездельников: они наперебой восхищались размахом его крыльев, когда он изо дня в день, что есть силы взмахивая этими самыми крыльями, тщетно разбегался по слишком короткой для этого палубе и вновь и вновь ударялся клювом в фальшборт, рискуя сломать себе шею. Зеваки сладостно сочувствовали его нескончаемым неудачам и старались утешить ушибленного свежей лососинкой и рюмочкой коньяка «Мартель». Вначале король воздушного океана гадливо отворачивался, но понемногу и он пристрастился к хорошей кухне и благородным напиткам, к мягкой постели в отведённой ему каюте второго класса, и попытки взлететь становились всё реже и реже.

Но вот однажды из океанских вод поднялась исполинская стальная акула и выпустила из своего чрева трёх стремительных двухметровых мальков, оставляющих за собой вскипающий пенный след. Круизный пароход тайком от пассажиров перевозил боеприпасы, и одна из торпед угодила в отсеке с авиационными бомбами. Всех, кто был на палубе, страшный взрыв подбросил высоко в воздух, пассажиры все до единого попадали в воду и утонули, а королевский альбатрос, оказавшийся в родной стихии, наконец-то развернул свои могучие крылья и без оглядки полетел прочь, чтобы никогда больше не прельщаться чужими объедами.

”
Альбатрос
устремился
к погружающемуся
в океан рубиновому
солнцу, и на этот
раз солнце
не уходило
от него в глубину,
но с каждым
взмахом крыльев
становилось
всё ярче.

“
А вот в моей тусклой жизни
никакого животворящего взрыва,
который бы заставил меня
развернуть свои крылышки, не
случилось. Дева-ваятельница
в порыве обиды за меня иногда
называет меня пленённым
альбатросом, но я-то знаю, что
я всего-навсего белая ворона.

Зато мой королевский альбатрос устремился к погружающемуся в океан рубиновому солнцу, и на этот раз солнце не уходило от него в глубину, но с каждым взмахом крыльев становилось всё ярче и ослепительнее, он уже ощущал его жар, но не сворачивал в сторону, пока со всего разлёту не ударился о его раскалённую поверхность и, оглушённый, не рухнул на землю.

Он оказался на территории новаторской птицефермы, где занимались производством куриного мяса и яйца по рецепту утонувшего в борозде пророка, которому пригрезилось, что куры станут плодиться вдвое быстрее, если будут днём и ночью согреваться прожекторными лучами кровавого цвета. Так что, когда мой альбатрос пришёл в чувство, главные перья из его крыльев были выщипаны, а сам он был помещён в огромную общую клетку с курами,

где обрёл ещё нескольких товарищей и товарок по несчастью, тоже имевших неосторожность устремиться к торемному прожектору, приняв его за солнце.

Альбатросов хозяева фермы относительно берегли, поскольку в Европе возникла мода на блюда из альбатросины, приготовленные особым образом с изысканными специями, но дисциплина оставалась общей для всех — незаменимых для владельцев птицефермы не существовало: в конечном счёте все ценились на вес. Альбатрос ты или петух — будь любезен вовремя явиться на утреннюю и вечернюю поверку, иначе — кухонный секач и холодильник. А проталкивайся к общей кормушке уже сам. Если же ты для этого слишком слаб или горд, будь готов отправиться в холодильник в дни ближайшей селекции, ибо ценился не только вес, но и привес. В холодильник рано или поздно попадали все, но спешить туда никому не хотелось: умри ты сегодня, а я завтра — эту истину усвоили все от нововывлупившегося цыплёнка до престарелого альбатроса. Поэтому в дни селекции всё население Клетки приходилось вытаскивать за хвосты из всех укромных щелей, выдирая при этом остатки разноцветных перьев, которыми поначалу гордился кое-кто из особо тщеславных петухов. Но очень скоро все были счастливы избавиться от всего разноцветного, ибо привлечь к себе внимание в большинстве случаев означало попасть под секач.

Мой ошипанный и отощавший альбатрос был одним из первых кандидатов в холодильник, поскольку он не умел размножаться в неволе: ему требовались длительные ухаживания, совместные полёты за уходящим солнцем, вычурные брачные танцы с бильярдным фехтованием клювами и зеркальными, друг против друга, замираниями с вздытыми крыльями — в Клетке для этого не оставалось ни желания, ни возможностей. Низвергнутого

короля спас ветеринар, научившийся выдавливать из него семя и впрыскивать таким же облезлым самкам: экстерьеры производителей не имели значения — цыплята у них получались отменно аппетитные.

Если, конечно, уметь готовить.

И всё-таки жизнь под кровавым искусственным солнцем неуклонно замирала: несознательные куры утрачивали питательные свойства, да и неслись всё хуже и хуже, то же самое происходило и с альбатросами, да они бы всё равно не могли исправить ситуацию — слишком уж большой любви к экзотике они требовали от потребителя. Не помогала и самая разнузданная реклама: наши альбатросы летают выше всех в мире, именно чувство родины, коллективизм и дисциплина развивают в них небывалые питательные свойства, — конкуренты и злопыхатели не брезговали даже «орнитологией»: альбатросам-де свойственен индивидуализм и стремление к дальним перелётам, если бы позволял климат, они бы сделали своей родиной весь земной шар. Разумеется, эти продажные писаки осмеивались единственно верной клеточной орнитологией, но, к сожалению, она пользовалась авторитетом лишь в пределах Клетки, а обратиться в свою Клетку всю планету у хозяев её не хватало пороха, а также дробы.

Новаторам приходилось закрывать лавочку. Оборудование и остатки ещё хоть сколько-нибудь упитанного населения Клетки они выставили на аукцион, а доходяг, вроде моего героя, отпустили на все четыре стороны.

Однако далеко он отойти не сумел — он отошёл в иной мир под изоржавевшим и издырявленным сетчатым забором.

И тогда его биографией занялся молодой прогрессивный орнитолог. Он камня на камне не оставил от лживой рекламы, воспевавшей благодетельные свойства коллективизма и дисциплины. Он показал, что так называемый королевский альбатрос был трусом и приспособленцем, что он не мог перелететь даже через такую уж высокую сетчатую ограду, что на поверках он наравне со всеми тянулся по стойке смирно, что он опускался до того, чтобы участвовать в свалке за место у кормушки, во время селекции забивался в щели, не думая о том, что этим подводит под секач товарищей по заключению...

В общем, он неопровержимо доказал, что мой герой был сволочь, склочник, приспособленец и подхалим, соглашавшийся дышать ворованным воздухом.

И теперь передо мною стоит вопрос: превратить этого орнитолога в индюка или оставить его человеком? Или сделать его королевским индюком? ■

Глубокие воды

Владимир Силкин

Родился в Рязанской области в 1954 году. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат Государственной премии РФ имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Секретарь Правления Союза писателей России. Почётный гражданин Рязанской области и города

Рязька. Начальник военно-художественной студии писателей Центрального дома Российской армии имени М.В. Фрунзе Минобороны России, ветеран боевых действий, полковник запаса.

Не провода, скрипучие качели,
Под ветром нагибаются столбы.
Ах, как же мы с тобою не хотели
Услышать грохот танков и стрельбы.
Но всё равно доносит запах гари
До наших мест локальная война.
И чей-то сын, такой красивый парень,
За службу не получит ордена.
Да, да, порой случается такое,
Когда среди георгиевских лент
Родителям в Кремле звезду героя
Вручает в День России президент.

Глубокие воды

А речка вот эта чиста и понятна,
Я знаю, где есть голавли.
Восходит заря, холодна и опрятна,
Поклоны ей бьёт до земли.
И нет на сто вёрст никакой непогоды,
И дремлет в траве тишина.
Глубокие воды, глубокие воды,
Но видно до самого дна.

25 декабря

Вот проводим последнюю тучу,
Соберёмся опять во дворе.
Ну никак мы себя не отучим
Водку пить из горла в декабре.
А её непременно не хватит,

Не достанется всем по глотку...
Но мой друг опьяневший, некстати,
Пистолет приставляет к виску.
Не виновен пред теми, кто пали,
Сам изранен за речкой до дыр.
И звенят на морозе медали,
И глаза свои трёт командир.

Первый снег

Первый снег опускается в лужу,
Первый снег – это та же вода,
Будет ждать леденящую стужу
И крутые её холода.
Первый снег обезумевший тает,
И становится неба синей,
Он в холодную лужу вращает,
Чтобы льдом стать когда-нибудь с ней.
Первый снег, водяные снежинки,
Юркий ветер, конец сентября.
Кто-то прячет на зиму пожитки,
Кто-то это не делает зря.
Не понять мне такого расклада,
Каждый знает и что, и почём.
Первый снег, пролетающий рядом,
Первый снег у меня за плечом.

Зимние яблоки

Какие яблоки в апреле?
У нас они в апреле есть.
Мы берегли их и не ели,
Хотя хотелось очень есть.
Но, переложённые стружкой,
Лежали в ящиках они,
И мы ходили друг за дружкой
И до весны считали дни.
И знали, что необходимо
Не трогать яблоки, терпеть,
Чтоб пережить без хлеба зиму
И с голода не умереть.
Да, мы в такое время жили.
Мы пережили трудный год.
И яблоки, что отложили,
Никто без спроса не возьмёт.

Падают звёзды

Падают звёзды кучно
В яблоневый мой сад.
Жить на земле не скучно,
Если чему-то рад.
Я собираю звёзды.

Да, я чудной такой.
И уплывают годы
С тучами на покой.
Позолотела осень.
И серебро приму.
Господи, много очень
Счастья мне одному.

Старик

Непростой старик напротив –
Суется и сопит.
Поменяться я не против
Нижней полкой. Пусть поспит.
Как сказать ему об этом,
Не обидится старик?
Созерцает молча лето,
Лбом к стеклу сейчас приник.
Предлагаю – он ни слова,
Мол, укладывайся сам.
И в окно глазает снова,
Будто правду ищет там.
Я пакет с бельём вскрываю,
Намекаю, что стелюсь.
Он встаёт, садится с краю,
Так что я не разосплюсь.
Ну, да ладно, ноги свешу,
Как-нибудь и умещусь.
Но себя напрасно тешу –
Тот ещё сосед мой гусь.
Он не сдвинулся на полке
Той, что только предложил.
У него в глазах иголки,
Видно, жизнь не так прожил.
Я не сплю и рядом еду,
И сосед не спит со мной.
Лет за восемьдесят деду,
Но не скажешь, что больной.
Да, бывает и такое.
Всё в дороге может быть...
Никого не беспокою,
Чтобы место уступить.

Безгрешные

Всё чаще грустные мотивы,
И всё печальнее сюжет.
Пишите всё, пока вы живы,
Пока давленья свыше нет.
А грусть-печаль, она от Бога,
От Бога свет и холода.
У грешных есть одна дорога,

Одна дорога в никуда.
Но не завидуйте безгрешным,
За ними всякого полно.
Грешили и они, конечно,
Не зная... То-то и оно!..
А ведь найдётся доноситель,
Представит справку, где печать.
И вы, безгрешные, не спите,
Готовьтесь тоже отвечать.

Неизвестная

Она выходит из кареты,
И я ей руку подаю.
О, как изысканно одета,
Как держит голову свою!
Но почему она надменна,
Не вторит жесту моему,
Зачем же надо непременно
Встречать людей не по уму?
Ах, красота... Она от Бога!
От Бога ревность или страсть.
Она ступает на дорогу,
Где незаметно можно пасть:
Сойти с небес и стать такою,
Как сотни многие других.
Прикрывшись же сейчас рукою,
Она не замечает их.
Каким желанием влекома
В провинциальном городке?..
Да мне-то что? Мы незнакомы,
Мы первый раз накоротке.

Пал

Пахнет день креозотом шпал,
Стало поле совсем седым.
А за окнами пал, пал, пал,
А за окнами дым, дым, дым.
Еду поездом сто часов
И ни часа ещё не спал.
И душа моя – на засов,
А за окнами пал, пал, пал.
А над озером гвалт, гвалт, гвалт
И сушняк, превращённый в медь.
А за окнами пал, пал, пал,
А за окнами смерть, смерть, смерть.

14 октября Владимиру Силкину исполняется 65 лет. «ЛГ» поздравляет своего автора! Крепкого здоровья и благодарных читателей!

Всего десяток коренных...

Ольга Козловцева

Родилась и живёт в городе Рязьке Рязанской области. Окончила Рязский дорожный техникум. Поэт, член Союза писателей России. Лауреат Международного поэтического конкурса имени Николая Рубцова «Звезда полей». Автор четырёх поэтических сборников:

«Прошу тишины», «Отпускаю на волю прошлое», «В час благословенный», «Благодатная теплынь». Руководитель Рязского литературного объединения «Вдохновение».

Деревня стала безымянной

Деревня стала безымянной,
И тучи хмурятся над ней.
Но дом раскрасил в цвет багряный,
Как в знак протеста, дед Матвей.

А на большой железной крыше
Он водрузил российский флаг –
И пусть увидят те, кто свыше,
Что не пришёл деревне крах.

Она жива – узнаешь точно,
Когда заглянешь в этот двор.
Но кто на ней поставил точку
И кто деревню с карты стёр?

Её названья нет в помине,
Как будто не было совсем...
А там к соседу на поминки
Все собрались живые. Все!

Осталось жителей немного,
Всего десяток коренных,
Но до последнего до вздоха
Они земле своей верны.

И поминальную записку
Читают вслух за упокой,
А во главе большого списка
Отдельной значится строкой

Название деревни той –
Как приснопамятной святой.

Я из той деревни родом,
Где окно в окно дома
И река за огородом,
Как в награду, нам дана,
Где во ржи среди колосьев
Заблудились васильки
И куда радушно в гости

Приглашают земляки.
Там, за низеньким порогом,
Расстояний скину груз.
Я из той деревни родом,
Где живёт доселе Русь.

Родительский дом

За бесценок свой дом отдали,
Не смогли мы его сберечь.
Наклонилась сирень в печали,
И цветной полушалок – с плеч.
Но с огнём воевали щепки,
Не хотел догорать сундук.
Мы искали себе прощенья,

Топора провозая стук.
И не стали мы жить богаче,
Только память открыла суд,
А берёзы обиду прячут
И меня на свидание ждут.
Во дворе и темно, и пусто,
Одинокий фонарь притих
И следит за дорогой грустно
В ожиданье шагов моих.
Сколотить бы сундук дубовый
Да насыпать туда монет,
Мне купить бы
свой домик снова
Да найти там забытый след.

На грани тьмы и светотени

Павел Козлофф

Родился в Москве. Был солистом балета в Музыкальном театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Потом жил и работал в Америке. Автор пяти книг прозы — «Роман для Абрамовича», «В срок яблоко спадает спелое», «Раздвигая руками дым»,

«Кавалер умученных Жизелей», «Реинкарнация» и поэтического сборника «По Мясницкой по улице Кирова».

И день на исходе, и фокус нерезкий,
И ночь загустела вдали.
И флюгер на крыше застыл в арабеске,
Как ус Сальвадора Дали.
А ежели память полна постоянства,
То буду опять и опять
С особой остаточной долей гурманства
Я эти часы вспоминать.

Ах, голуба, судьбина моя,
Не бывать нам с тобой нуворишами,
Не познать красоту бытия
Ни в Неаполях, ни под Парижами.
Впрочем, слово совсем не о том,
Что мы что-то с тобою прошляпили.

Не в Париже, конечно, наш дом,
И тем более, что не в Неаполе.
Как улитке своя скорлупа,
Так родительский кров нам отечество
Только вертится: Je ne suis pas —
И в душе что-то мечется, мечется...

В нашу бучу нынче снизошёл
Августейший из закатов месяца,
Этой ночью будет хорошо
Водку пить или пойти повеситься.
Только темнота и тишина
Здесь не уподобится кладбищенской,
Хоть в провал открытого окна
Ни луна и ни звезда не ищется.

Скажи, зачем склонили ивы
К пруду свой полный скорби лик.
Зачем так лилии красивы,
Как сотни дочек Лили Брик?
И Ося Брик, такой неброский,
Зачем он там, в сплетенье тел?
Затем, чтоб юный Маяковский
Своё Отечество воспел.

Когда осенних дней пора пройдёт
И отблагодарит хризантема,
Кто знает, что тогда произойдёт,
Как в Дж. Пуччини опере «Богема».
Она поёт «Меня зовут Мими»
И ранит сердце бедного Рудольфа.
Что было между этими людьми?

Любовь и смерть, любовь и смерть,
и только.
Я, честно, Дж. Пуччини не люблю,
Мне ближе и родней Джузеппе Верди.
Хотя для них моя любовь равна нулю,
Как для почивших под земною твердью.

Ни геометрией, ни алгеброй,
Ни метафизикой явлений
Не замудряйся, жизнь — преамбула
На грани тьмы и светотени.
Титан Атлант, семь дочерей его,
По смерти превращённых в звёзды.
Коль дан талант — заблаговременно

Распорядись, пока не поздно.
Но оттого, что слов плеядами
Ночное небо воссияло,
Из двух одно — упиться ядами
Или воспеть начал начало.

Нас смяли, нас почти что взяли в плен.
Прожившие свободными с пелёнок,
Теперь мы разложение и тлен,
Мы кораблекрушения обломок.
За новою добычей гончий пёс
Шлагбаумом вытягивает выю,
Не зная ни пощады, ни передоз,
И держат высь орлы сторожевые.

Эхо белого дня

Борис Орлов

Родился в 1955 году в Ярославской области. Выпустил 15 поэтических сборников. Лауреат Большой литературной премии России, литературных премий Александра Невского, Андрея Платонова, Константина Симонова, Валентина Пикуля, «Золотой кортик». Стихи

публиковались в США, Англии, Китае, Японии, Израиле, Чехии, Сербии и других странах. Награждён Почётным дипломом «За выдающийся вклад в развитие культуры в Санкт-Петербурге» и медалью Пушкина. С 2005 года — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, с 2009 года — сопредседатель правления Союза писателей России. Член Общественного совета по культуре при Правительстве Санкт-Петербурга.

Праздник

Винегрет. И селёдка в укропе.
Огурцы. Самогонка под шпик.
«Не вчера ли я молодость пропил...» —
Запевают отец-фронтовик.
А друзья его, важны и строги,
Руки — в звёздах, лучах, якорях,
Опынев, заведут: «Эх, дороги...»,
Вспоминая погибших в боях.
Верят: светлые души воскреснут
В круговерти холодной войны.
В небеса поднимаются песни
Сыновей победившей страны.

Шины шуршат. И трамваи звенят.
Нет разведённых мостов.
Белая ночь — эхо белого дня,
Эхо забот и трудов.

Вздрогнул в метро
с бодрым скрипом вагон.

Время духов и зеркал.
Белая ночь улетела, что сон.
И белый день засверкал!

Конец июля. Набухают звёзды,
Как сливы. Не услышишь ветра вой.
Густеют ночи и густеет воздух,
Настоян воздух на листе с травой.
А ягоды становятся вареньем,
Солятся и грибы, и огурцы.
Клюют на речке шустрые голыцы.
Душа ушла в покой и вдохновенье.

Ищем то мост, то брод
Или для спора повод.
Голая правда бьёт,
Что оголённый провод.
Каждый получит шанс —
Верьте или не верьте! —
Голая правда нас
Может приблизить к смерти.

Несёмся — закусил удила! —
По жизни... Всюду ищем лучшей доли.
Поступки наши — личные дела,
А судьбы — след поступков —
в Божьей воле.
Кто дёргает, когда бунтует плоть,
Нас — бесы или ангелы — за нити?
И потому Всевидящий Господь
Напомнил: в чистоте не наследите!

Ветер. Трава — птица,
напрягая зелёные перья,
взмахивает крыльями,
но не может взлететь.
Папоротник — страус,
спрятавший голову
в землю.

На газоне мокнет кочка,
А на кочке — листьев ком.
И ложится строчкой к строчке
Ручеек за ручейком.
Ветки клёнов — как пружинки,
Листья кружат над травой.
Осень — швейная машинка,
Дождь стучит по мостовой.

Вечер. Звёзды. Туман... Всё по новой.
Коростели скрипят из раки.
А над крышей сарая подковой
Жёлтый месяц на счастье прибит.

Как Емеля, ждём счастья. Под кровом —
Неуют, неустроенный быт.
А подкова блестит... Но подковы,
Как известно, куют для копыт!

Вы относитесь к жизни,
словно к данности, —
Другой не будет... Кто б того не знал?!
Не осуждайте стариков за странности,
У каждого из нас — один финал.

В лугах — туман, а в космосе —
туманности.
Творец во всём и справедлив, и прав.
Не осуждайте стариков за странности —
Впадают в детство,
жизнь закольцевав.

Соловьи поют, а сердцу снится
Школа, трель последнего звонка.
Словно мини-юбка выпускницы,
Ночь в конце июня коротка.
И уже внучата ходят в школу.
Горн умолк. Уменьшилась страна.
Юбки носят бабушки — до пола,
Жизнь, как ночь декабрьская, длинна.

Крапива в буреломе отцвела.
На пасеке жужжат цветные ульи.
И лилии во все колокола
Звенят под золотым шатром июля.
Свет яркий, но заполнен тенью ров
По самые края. Притихла трасса.
День в зное от земли до облаков
Изящен, как фарфоровая ваза.
Ты тихо дремлешь,

завернувшись в тень,
А над тобой на ветке дремлет птица.
Будь осторожным: разобьётся день —
На мелкие кусочки разлетится.

Не люблю собирать чемоданы,
наполняя их предметами
первой необходимости.
Люблю вещи в себе —
они бесплотны.

Рухнул занавес. Напрочь ворота
Распахнули — впорхнула беда.
Из России летят самолёты,
Из России бегут поезда.
Эшафоты и плахи — вакантны.
Жизнь людей русских —
ломаный грош.
И летят облака-эмигранты
Из России... Но что с них возьмёшь?!

Слушают сообщество иуд,
Не своим глазам, а сплетням верят.
Перед тем, как спичкой вспыхнет бунт,
Человека превращают в зверя.
Бунты кровью оскверняют век,
Возвышая морды, а не лица.
Если озверев человек,
То ему в себя не возвратиться.

Остановить мгновение

И заглянуть в будущее, помня прошлое и ценя настоящее

Впервые эксперт в области экономической безопасности Дмитрий Шульман заявил о себе как о писателе три года назад. Тогда в цифровом виде вышел сборник его рассказов «Боцман». В прошлом году новый сборник уже в привычном печатном виде увидел свет в издательстве Delibri. Что заставило успешного и совсем не праздного человека взяться за перо? Жажда общественного признания, желание высказаться и передать свой жизненный опыт следующим поколениям?

— Дмитрий Михайлович, сегодня смена сферы деятельности всеми только приветствуется. Но всё же крутые виражи в вашей профессиональной судьбе поражают. Мечтали быть охотником, а стали... нефтяником.

— На самом деле я мечтал о небе. Мой отец в годы войны был стрелком-радистом на штурмовике Ил-2. Лучший друг, Иван Александрович Ткачёв, ровесник отца, в Великую Отечественную летал на По-2. Любимым местом для игр была возвышенность у аэродрома, и, конечно, я хотел стать военным лётчиком. Но в училище по здоровью меня не взяли — в детстве я был не самым послушным ребёнком, взорвал банку с порохом и повредил себе глаз. Расстроенный, поехал к дяде в Москву; он спрашивает: «Кем хочешь быть?» — «Кем-нибудь, кто связан с охотой, к которой меня приучил Ткачёв». Дядя пододвинул телефонный справочник — выбирай.

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Дмитрий Михайлович Шульман

Родился в 1957 году в городе Пружаны Брестской области. Окончил Московскую орден Трудового Красного Знамени ветеринарную академию им. К.И. Скрябина по специальности «зооинженерия» и Хабаровскую высшую школу МВД СССР по специальности «юриспруденция». Кандидат экономических наук.

Восемнадцать лет прожил на Сахалине, служил оперуполномоченным по борьбе с хищениями социалистической собственности, работал начальником службы безопасности ОАО «Роснефть-Сахалинморнефтегаз». В течение пяти лет возглавлял департамент безопасности ОАО «НК «Роснефть».

С 2005 года — исполнительный директор, член правления нефтесервисной группы «Интегра».

Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени; лауреат Национальной ежегодной премии IT-Лидер в номинации «Предприятия нефтегазовой промышленности», «Почётный нефтяник». Пишет прозу и стихи. Заядлый охотник.

Спорт — неотъемлемая часть жизни Дмитрия Шульмана. Каждый день в любую погоду он начинает с бега. А своё шестидесятилетие отметил, переплыв Босфор.

Ещё ничего не решив для себя окончательно, отправился в ветеринарную академию на экскурсию, где познакомился с удивительным человеком — зоологом профессором Андреем Григорьевичем Банниковым, в тот момент ведущим на телевидении «Клуба кинопутешествий». Эта встреча и решила мою судьбу — я стал студентом академии. После окончания год проработал в Белоруссии зоотехником. Стадо в колхозе было большое — две тысячи только дойных коров плюс свиноферма. Сначала было интересно, потом стало скучно — в 24 года хотелось какого-то движения, перемен. Списался с друзьями, работавшими на Сахалине, и улетел на остров. Встал в горкоме комсомола на учёт, и тут мне говорят: «Тебя вызывают в УВД». Думаю, зачем? Только приехал, ещё ничего натворить

не мог. «Тебе, — объяснили мне в милиции, — партия доверяет работу в органах. В армии служил, спортсмен (в студенческие годы занимался в группе олимпийского резерва, мастер спорта СССР по биатлону), такие люди нам нужны». Вот так я оказался оперуполномоченным ОБХСС.

— Вы окончили школу МВД, значит, собирались строить свою карьеру в сфере юстиции, но вдруг резко сменили вектор.

— Раздражала бумажная волокита. Был даже негласный план по преступлениям, каждый опер должен был выявить столько-то преступлений. Понятно, что есть латентная преступность, но это не повод в определённые сроки выявлять определённое количество преступлений по определённым ст. УК.

— Похоже, мало что изменилось. Уголовные дела на

бизнесменов сегодня заводятся тысячами.

— Законодательная вакханалия. Людей бросают в тюрьмы с очень сомнительными доказательствами вины, а пресса, не дождавшись решения суда, оповещает об этом всех. На эту тему, кстати, один из моих рассказов — «Отпуск для души».

— Когда Советский Союз распался и социалистической собственности, которую надо было охранять, не стало, вы вернулись к хозяйственной деятельности, но вскоре вновь сменили вектор. Опять вмешался случай? Какую роль играл случай в вашей жизни?

— Меня пригласил на работу генеральный директор «Сахалинморнефтегаза» Богданчиков Сергей Михайлович, в дальнейшем президент «Роснефти».

Время и обстоятельства познакомили меня с тремя министрами МВД — Рушайло, Грызловым и Нургалиевым, начальником внешней разведки СССР Леонидом Шебаршиным, генералом Трошевым и ещё с огромным количеством очень интересных людей.

Расскажу одну историю. Уже работая в «Роснефти», организовывал безопасность противодиверсионных отрядов в Чечне. Там шла война, боевики поджигали скважины, кто-то должен был их тушить и кто-то охранять борцов с огнём. Полетел в Нальчик за помощью к министру МВД Кабардино-Балкарии Шогенову. Тогда и там было беспокойно, и Хачим Алисагович мне отказал. Уже собираясь прощаться, я случайно упомянул Сахалин и... отряд ОМОНа нам дали. Оказывается, Шогенов на Сахалине командовал ротой конвойных войск.

— Люди, с которыми вас сталкивал случай, и становились героями ваших рассказов? Что вообще заставило вас взяться за перо?

— Да. Большинство моих рассказов либо автобиографичны, либо сюжеты подсказаны людьми, с которыми сводила судьба. Наступил момент, когда захотелось поделиться увиденным и услышанным, остановить мгновение. Если этого не сделать, всё забудется и уйдёт безвозвратно. Как следующие поколения поймут нас, наши чаяния, надежды, устремления? Простые житейские истории, пожалуй, лучше характеризуют быстролётное время, чем тома научных архивов.

Беседу вела

Людмила Мазурова

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА

Отпуск для души

...Помещение кассы было небольшим: ровно таким, чтобы в нём поместились три массивных сейфа, большой стол и два стула. Деревянная вешалка коричневого, а скорее вишнёвого цвета, очень старая, с причудливо изогнутыми, но при этом очень лёгкими крючками, стояла в углу. На ней, неестественно выделяясь современным фасоном, висело новое пальто Фёдора Сергеевича.

Скромная бирочка «Бриони» скрывалась внутри складок тонкой, прекрасного качества ткани тёмно-синего цвета.

Перед окном кассы стояли люди, некоторых он уже где-то когда-то видел.

По-разному одетые мужчины, женщины и даже дети покорно вытянулись в очередь, и только глаза, застывшие в нетерпеливом ожидании, были у всех поразительно одинаковые. Их схожесть заключалась в яркости взглядов, выражающих, что понимание сути происходящего застыло в многолетнем терпении наступления именно этого момента.

Люди молча подходили к кассе, называли фамилию и показывали руки...

Они делали это так, как когда-то он ребёнком, в детском саду, а потом в пионерском лагере, показывал их перед приёмом пищи...

Решётки на небольшом окне кассы заставляли людей просовывать руки внутрь, в узкое пространство между металлическими прутьями. И почему-то именно это заставило Фёдора Сергеевича почувствовать себя в камере. Да он и действительно находился за решёткой внутри помещения кассы, и каждый раз, когда человек из очереди просовывал и показывал ему ладони, а потом убирал их обратно, вместе с убранными руками ощущалось, что в небольшом помещении становится всё меньше и меньше воздуха. Становилось трудно дышать.

Он смотрел на лица анфас и в профиль, смотрел на руки и выдавал деньги. Суммы, которые надо было выплатить, читались по линиям на ладонях.

Деньги были странные. На их матовой поверхности, раскрашенной достаточно яркими, скорее даже контрастными цветами, было крупно написано: «месяц»,

«два месяца» — и так до одного года, трёх, пяти и десяти лет.

— Да, пожалуйста. Вам пять лет... спасибо.

— Вам... девять лет и три месяца...

Пачки с крупными купюрами денег лежали отдельно и, по мере прохождения людей, стремительно таяли.

Фёдор Сергеевич в очередной раз поднял голову, чтобы увидеть лицо и глаза, но в окне сквозь решётку просунулись две детские ладошки. Они были чистыми, и на них ничего не читалось.

— Следующий! — он сказал это с раздражением и как-то неестественно громко для той тишины, которая пронзительно наполняла и окружала пространство очереди и самой кассы.

Но неожиданно эти небольшие мальчишеские ладони крепко и уверенно взялись за решётку кассы, и светлая, вихрастая голова с голубыми глазами оказалась в окне.

— Извините, но я за папу... да, не удивляйтесь, но, к сожалению, он уже не сможет прийти... — Понимаете, он просил

Дмитрий Шульман.
Возвращение жизни.

— М.: РИПОЛ классик, 2019.

— 400 с. — 1500 экз.

передать... — Глаза мальчика постепенно становились взрослыми, тёмно-синими. — Он просил передать, что три года... Он отсидел, не будучи виноватым, три года. А потом, когда его выпустили, потом его не стало... он умер.

Тёмно-синие глаза заполнили всё пространство между металлическими прутьями, и их синева проливалась внутрь, меняя цвет воздуха.

В голове, в мыслях Фёдора Сергеевича всё смешалось, закрутилось и как-то опустошённо и растерянно пропало.

Он взял три банкноты, каждую по году, и протянул в окно.

— Нет, — сказал мальчик твёрдо и решительно. — Нет, — ещё раз повторил он уже более жёстко и продолжил: — Я его ждал по месяцам, и вы выдавайте по месяцам, это будет справедливо... ■

КЛАСС-ПРЕМИУМ

«Чтобы талант принёс прибыль, его нужно ограничить»

Лауреат Большой литературной премии России Александр Лапин – о проблемах современных писателей

Российские и белорусские авторы встретились на совместном пленуме в Могилёве. 3 и 4 октября здесь обсудили роль литературы в становлении Союзного государства и сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне. Мероприятие приурочили к 20-летию подписания Союзного договора и 75-летию Победы. Делегации возглавили председатели Союзов писателей Беларуси и России – Николай Чергинев и Николай Иванов.

В Могилёве также было принято обращение к писателям Украины. Состоялся Поэтический рекем на Буйничском поле, над которым развеян прах Константина Симонова.

Одним из ключевых пунктов насыщенной повестки стало вручение Большой литературной премии России. Её получили поэт Анатолий Аврутин (Минск) и прозаик Александр Лапин (Воронеж).

«Книгоиздание – бизнес в чистом виде»

С Александром Лапиным мы пообщались после торжественной церемонии. – Нынешняя награда для меня – определённый знак качества, – делится эмоциями Лапин. – В большую литературу я вошёл не так давно: мой первый роман опубликован около шести лет назад. И сейчас получаю очень престижную премию. Настоящую. Русскую. От профессионального литературного сообщества.

– С позиции уже признанного автора, какие проблемы считаете наиболее острыми для начинающих – помимо того, что их неохотно издают?

– Давайте не будем говорить «неохотно», а поставим вопрос ребром. Книгоиздание – бизнес в чистом виде. Господдержки практически нет. С одной стороны, это плохо, и многие жалуются,

Большую литературную премию России Александру Лапину вручил председатель Союза писателей России Николай Иванов

что государство отгородилось от писателей. А с другой – сегодня тебе помогают, а завтра потребуют, чтобы пел осанну очередным вождям и кривил душой. Так что хотя бы не мешают – и слава Богу.

Но, если рассуждать о поддержке молодых писателей, то, конечно, большие претензии к нашим издателям. Раз это бизнес, он должен сам обеспечить своё будущее. Чтобы получить прибыль, нужно сначала что-то в человека вложить, ограничить его талант.

Яркий пример: в 2011 году я показал немецким коллегам свой публицистический сборник «Русский вопрос». Так вот крупное немецкое издательство из Франкфурта-на-Майне немедленно откликнулось. И хотя мы перевели совсем небольшой фрагмент, они тут же прислали письмо: мол, видим, что вы талантливый автор, поэтому представим вашу книгу на крупнейшей выставке-ярмарке. И даже прислали гонорар – 600 евро. А ещё передали мои контакты в литературную школу. И уже

оттуда мне написали, что готовы подтянуть моё мастерство. В России зачастую отношение другое.

«Творчество – религиозное действо»

– На недавней книжной ярмарке в Москве вы выступили с мастер-классом для молодых авторов – пытаетесь сами что-то изменить?

– Этот опыт для меня интересен. Сейчас обдумываю идею семинара для начинающих писателей, чтобы помочь им освоить азы: как в плане создания произведений, так и с точки зрения их продвижения. Ведь по-настоящему у нас сегодня нет мощной поддержки творчества. А оно в моем понимании является почти религиозным действием, и мы все должны стать творцами. Поэтому попробую проводить такие семинары как онлайн, так и в разных городах страны. Привлекать заинтересованных людей.

– Выпустив романы «Святые грешники» и «Крымский мост», над чем работаете сейчас?

– В своих прежних книгах я описал, как распался Советский Союз. Как люди боролись. Выживали. И в итоге нашли себя в новом мире. Но это всё история. Сейчас меня волнует: а как сегодня? Что мы построили? На постсоветском пространстве образовалось 15 независимых государств. Но ни одно из них так и не стало демократическим в западном смысле.

Второй важнейший момент – это раскол в нашем сознании. В новой книге я представлю его на примере казачества как наиболее активной части нашего народа. Но он присутствует в каждом русском человеке. Разделение на белых и красных. На богатых и бедных. На тех, кто обожает СССР и ненавидит совок. На либералов и державников.

Я тоже ощущаю его внутри себя. Потому что как патриот понимаю: Россия не может управляться по западной схеме. Такая большая страна способна функционировать только как империя, руководимая из сильного центра. С другой стороны, наша имитационная демократия приводит к застою в органах власти, несменяемости. И государство не развивается, становится тормозом. А нам всем сегодня нужно движение. Ясные демократические процедуры. Справедливый суд.

А есть и третья сторона. Уже как философ я понимаю: важнее всего – какой путь человек пройдёт в духовном плане. И это в том числе задача государства – чтобы он в своей внутренней эволюции продвинулся как можно дальше. Если Бог ему дал какой-то талант, он должен его реализовать.

К слову, уже весной выйдет инициированный мной сборник «Я верю!», в котором представители разных религиозных конфессий рассказывают о том, как они пришли к Богу. Есть там и моя история.

Максим Горохов

ЛИТЕРАТОРСКИЕ МОСТКИ

Сюрприз для цивилизации

Завершился 36-й фестиваль «Аэлита»

В первый день после традиционной пресс-конференции с организаторами и почётными гостями, где обсуждалось будущее литературы, фантастики, фестиваля, а гости могли задать все интересующие их вопросы, начался телемост с известным писателем-фантастом Олегом Дивовым. Даже то, что микрофон, по словам писателя, кричал, а мы Олега Игоревича слышали через раз, не помешало обсудить важные темы.

Прошёл конкурс «Рассказ за 100 минут», на котором участники должны были успеть написать небольшое произведение от 2000 знаков. Темы распределялись жеребьёвкой. Кому-то попались такие: «Забытый в холодильнике продукт распада» или «Сюрприз для цивилизации». Задача непростая, даже организатор Борис Долинго

отметил, что не очень любит такой «стрессовый» формат, но считает, что он полезен и начинающим, и опытным авторам.

Второй день был посвящён учёбе – три мастер-класса, круглый стол, семинар и интеллектуальная игра. Мастер-классы в рамках конкурса им. Бажова по поэзии, драматургии и прозе были максимально практи-

ческими – ведущие Юрий Казарин, Олег Богаев, Юрий Сутырин разобрали главные ошибки конкурсных работ и отметили хорошие тексты. На семинаре по продвижению авторов Александр Гриценко и Борис Долинго рассказали, что нужно делать в современном мире литературы, чтобы найти своего читателя.

Последние два дня были скорее приятными, чем продуктивными. В субботу участники конкурса имени Бажова «Новый сказ» выступили в Историческом сквере Екатеринбурга со своими стихами. После состоялись встреча с лауреатами и гостями. А затем – награждение. Главный приз фестиваля

«Аэлита» «За выдающуюся творческую деятельность, большой вклад в развитие русскоязычной фантастики» вручили Олегу Дивову. Игорь Самойлов получил вторую премию «Аэлита-Старт» за блестящий дебют в фантастике. Премию Халамбаджи получил Андрей Щербак-Жуков, а орденом «Добра и Света» наградили Ольгу Камарго.

Параллельно фестивалю проводились итоги конкурса им. Бажова «Новый сказ». Главный приз и звание «Лауреата Лауреатов» получил Саша Кругосветов. Победителями в различных номинациях стали Борис Акунин, Николай Коляда, Олег

В первый день фестиваля прошёл телемост с Олегом Дивовым

Штельман, Ольга Черниенко, Анатолий Мухамеджанов, Виктория Левина, Алексей Попов, Людмила Безусова, Павел Кричевский, Марина Бурлакова, Антон Свириденко, Виктор Голубев, Давид Робиташвили и другие.

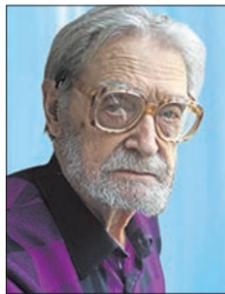
Анна Семилетова

14 НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Долгий путь в первом ряду народа

Писателя-фронтовика Михаила Годенко вспоминает его товарищ и однокашник

Владимир Бушин

Умер Михаил Матвеевич Годенко... Для меня он ещё и давний товарищ, однокурсник по Литературному институту, Миша-хохол, как звали мы его все пять лет. А встретились летом 1946 года, когда, вернувшись с войны, поступили в Литературный институт.

Почти всем нам было по 22–23 года, то поколение, о котором в стихах и прозе писали, будто после войны от него осталось лишь 3%. Это выдумка тех, кто считает, что героизм — непременно и прежде всего большие потери и чем они больше, тем выше и достоверней героизм. Однако вон сколько собралось нас тогда даже в столице, как ныне говорят, элитном вузе. А сколько нас пришло тогда в другие, в большие вузы, например в Московский энергетический им. Молотова, где я перед Литературным прочился один семестр. Сколько нас пришло на заводы, в колхозы, сколько осталось в армии!

Нам казалось, что молодость — наше естественное состояние и оно никогда не покинет нас... Ну а пожилые и старые люди, которых мы видели ежедневно, хотя бы профессора института Сергей Иванович Радциг и Александр Александрович Реформатский, им почему-то не повезло, состарились. Очень жаль, ведь такие хорошие стариканы.

Литинститут был тогда, говорю, небольшой, на первый курс при огромном конкурсе набрали нас человек тридцать, а всего в институте училось, пожалуй, человек сто. В подвальном этаже института находились мужское и женское общежития, то и другое человек на двадцать. Из наших там жил, кажется, один Солоухин. Запомнилось, видимо, только потому, что здесь, как потом рассказывали, он обнял на прощание Наума Мандела (Коржавина), когда однажды ночью за ним пришли, по-нынешнему говоря, «вежливые зелёные человечки». Видно, им не нравилось, что Эмка бродил по коридорам и бормотал:

*Я всё на свете видел наизнанку,
Я путался в московских тупиках,
А между тем стояло на Лубянке
Готическое здание Чека...*

Оно вовсе не готическое, но не из-за этой ли ошибки автору дали возможность посмотреть это здание и изнутри, а потом, уже вдалеке, вспоминать увиденное... А ведь мы с Годенко его предупреждали, когда на Первомайской демонстрации на площади Пушкина, памятник которому ещё стоял на прежнем месте — на Тверском бульваре, пели всем курсом:

*Ползёшь ты, товарищ,
Как сам ты понимаешь,
В готическое здание Чека...*

Он и приполз... Наш, в сущности, первый послевоенный набор оказался удивительно содержательным на небезполезных для русской литературы тружеников слова. Судите сами: Юрий Бондарев, Евгений Винокуров, Юля Друнина, Эдуард Асадов, Владимир Тендряков, Григорий Бакланов, Григорий Поженян, Василий Малов, Семён Сорин, Юрий Разумовский, Николай Войткевич, Семён Шуртаков (самый старший на курсе — с 1918 года), Михаил Годенко и аз грешный — и все с фронта явились! Войткевич — из плена, в который попал в 1942 году под Севастополем. А ещё — Владимир Солоухин (служил в охране Кремля), Александр Рекемчук, Герман Валиков, Лидия Обухова, Людмила Шлейман, Гарольд Регистан (сын соавтора С. Михалкова по тексту нового гимна), Евгений Марков, Андрей Марголин, Всеволод Ильинский, Бенедикт Сарнов, Лидия Асадова, жена Эдуарда Асадова, вернувшегося с войны без глаз... Правда, кое-кто оставил наш курс до срока: Рекемчук, Друнина... Но как бы то ни было, на выпускном вечере в актовом зале института, а потом на банкете в кафе «Националь», что в начале улицы Горького, человек 20–25 нас было. И представьте себе, большинство из нас — одни раньше, другие позже — стали профессиональными писателями, членами Союза писателей, обрели известные литературные имена, некоторые даже стали лауреатами, как Годенко, получивший ещё и военную премию «Прохоровское поле», а Бондарев — Героем Социалистического Труда.

От выпускного вечера в институте осталось в памяти только напутственное слово Александра Фадеева. Ещё далеко было до того скорбного дня, о котором Твардовский скажет:

*Ах, как горька и не права
Твоя седая, молодая,
Крутой посадки голова...*

Тогда седина только пробивалась...

А от банкета в «Националь» остался в памяти только тост прекрасного, но оставшегося неизвестным поэ-

та Германа Валикова: «За цветы и звёзды!» Однажды, много лет спустя, в Большом Гнездиновском переулке, где находилось не существующее ныне издательство «Советский писатель», в редакции поэзии, которую возглавлял Егор Исаев, ещё не Герой и не Ленинский лауреат, Герман у меня на глазах, лёжа на сдвинутых стульях, умирал. Спасла откуда-то примчавшаяся по телефонному звонку дочь Гела. Потом Герман

А Миша Годенко не дожил до своего столетия 1 октября всего несколько дней...

Наш фронтовой ровесник Семён Гудзенко тогда писал:

*Мы не от старости умрём —
От старых ран умрём...*

Семён так и умер в тридцать лет, но пришло время, стали умирать и от старости...

Не так давно в «Правде» была напечатана подборка моих писем Юрию Бондаре-

тем сочетание в одном лице публициста и стихотворца не редкость в литературе и вполне естественно. И я упрямо рифмовал на самых разных страницах от «Правды» до «Литературки». И всё-таки кому-то это казалось подозрительным, вредным.

Мы с Мишей состояли в творческом семинаре, который вёл профессор Тимофеев Леонид Иванович. Мы по очереди читали стихи и обсуждали их. Вот диво дивное, я помню, как Миша лет семьдесят с лишним тому назад читал:

*Мне б только на гору,
Где пахнет чабрецом...*

Что там дальше, забыл, но помню, что мне его стихи очень нравились, и я сказал тогда, что, если бы можно было, я аплодировал бы этим стихам. Но Михаил оставил стихи...

Надо заметить, что, вернувшись с войны, мы так упивались прелестями мирной жизни, той её тишиной, которую слышали только мы (Бондарев так и свой первый роман назвал — «Тишина»), что о войне словно забыли, условно говоря, мы по примеру Годенко наслаждались «запахом чабреца» и только спустя какое-то время вспомнили о самом важном, о главном событии нашей жизни. И тогда тот же Бондарев написал «Батальоны просят огня», Бакланов — «Пядь земли», Годенко — «Минное поле», Винокуров —

*В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Моховой...*

Ведь мы в одной землянке жили и с Серёжкой, и с Витькой... И тогда многих из нас вдруг пронзили и словно разбудили слова песни, прозвучавшие с экрана, и мы подпевали:

*На всю оставшуюся жизнь
Нам хватит подвигов
и славы,
Победы над врагом кровавым.
На всю оставшуюся жизнь.
На всю оставшуюся жизнь.*

*На всю оставшуюся жизнь
Нам хватит горя и печали,
Где те, кого мы потеряли
На всю оставшуюся жизнь,
На всю оставшуюся жизнь.*

У Михаила Годенко за плечами было больше, чем у многих. Ведь его призвали в армию ещё в 1939 году, и когда почти все мы ходили в школу, он служил на Балтийском флоте. Как известно, наркомвоенмор адмирал Н.Г. Кузнецов в июне 41-го года своевременно привёл весь наш флот в состояние полной боевой готовности, и он дал достойный отпор врагу утром

допытывался: «Ну как, красиво я умирал? Можно сравнить с Андреем Болконским на поле под Аустерлицем со знаменем в руках? Помнишь? Наполеон, проходя мимо, залюбовался и сказал: «Какая красивая смерть!» 23 сентября 1981 года Гела помочь не смогла, но видела в руках отца знамя русской поэзии...

Кажется, это была первая смерть в наших рядах. Впрочем, нет, нет... Первым-то был Василий Малов, поэт. У него было такое тяжёлое ранение головы, что можно было видеть пульсацию под кожей черепа. Он был одинок. Как инвалиду ему сразу после института дали отдельную квартиру в Сталинском районе Москвы, на Мочальской улице. И однажды в ванной его настиг припадок, помочь было некому, он захлебнулся... Да, это была наша первая смерть. Васе было лет 25.

ву — за много лет по разным поводам. Её дали под заголовком «Их остаётся только трое»: Бондарев, Миша и я... «Кончаю... Прощайте... Прощу не винить...»

Годенко, как и я, пришёл в институт со стихами, он начинал на Украине ещё до войны вместе с Гудзенко. Он и окончил институт как стихотворец, а я — как критик. И первые книги его были поэтические: 1956 год — поэма «Последний», 1959 год — поэма «Море моё», 1961 год — сборник стихов «Тяга к океану». Но потом он оставил стихи, стал известным прозаиком, а я вернулся к стихам, но известным стихотворцем не стал: кроме жены, никто не хотел верить, что такой буйный критик и публицист может рифмовать «любовь» — «кровь», «страсть» — «власть», «любовь» — «молю» и т.п. А между

22 июня, но, конечно, это не избавило ни от огромных трудностей, ни от тяжёлых потерь. Годенко принимал участие в героической обороне Таллина, который был главной базой Балтийского флота, а 28 августа уже под немецким огнём по морю, кишасшему минами, начался беспримерный переход всего флота из оставленного Таллина в Кронштадт. Накануне корабли приняли на борт 23 тысячи военных и гражданских лиц, из них при переходе погибло более четырёх тысяч, а из 195 кораблей разного рода погибло 53 судна. Минёр Годенко не только всё это видел своими глазами, но и запросто мог оказаться в числе этих четырёх тысяч. Дело обошлось ранением, двумя месяцами госпиталя.

Адмирал Кузнецов потом писал: «Боевое ядро флота удалось сохранить. Оно сыграло важную роль в обороне Ленинграда».

Упомянутая выше перемена некоторыми из нас своего литературного жанра было не главным в судьбе нашего курса, главным оказалась совсем другая перемена, случившаяся в конце 80-х годов, когда мы давно уже не были вместе, а кто где, но, конечно, считали себя однокашниками, односумками, и порой, перефразируя известные строки Пушкина, кто-то из нас твердил:

*Куда бы нас ни бросила
судьбина,
Какой бы мы ни выбрали
маршрут,
Всё те же мы: нам целый
мир – чужбина,
Отечество –
родной Литинститут.*

И вдруг всё затрещало, посыпалось и рухнуло. В этой катастрофе одни, в том числе мы с Годенко, попросту говоря, остались советскими людьми, защитниками рус-

ского советского мира, другие... ну, скажем так: они сильно невзлюбили нас. Особенно острые противостояния возникли у Бондарева с Баклановым, у меня с Сарновым, который поносил даже наши прекрасные дома творчества, уверял, что там и лампочек-то электрических не было и мы приезжали со своими, и кормили нас одними несъедобными кнелями.

Но, коснувшись разлома нашего курса, я обязан, тем более что сегодня день очередной годовщины, кое-что поведать, кое-что напомнить и об однокурсниках в связи со знаменитым своей подлостью письмом 42, вошедшим в литературный оборот под брендом «Раздавите гадину!». Оно было напечатано в «Известиях» 5 октября 1993 года, в день, когда рыли могилы для защитников конституции, расстрелянных 3 октября в «Останкино» и 4-го у Дома Советов и в самом Доме на Краснопресненской набережной. Под этим предательским письмом стояли подписи московских писателей, но не обошлось и без некоторых особенно эффектных «провинциалов» – Гранин, ак. Лихачёв, Астафьев...

Эти 42 требовали у президента Ельцина продолжить позавчерашние и вчерашние расправы – теперь над их собратьями. Так вот, сообщая, что под этим позорным письмом подписались только три наших с Мишей литинститутских однокурсника. Двое из них уже умерли с пеной на губах, третьему уже за девяносто. Да, из 42 примерно человек 30 уже держат ответ перед Всевышним...

Годенко был одним из самых старательных тружеников литературы о Великой Отечественной войне... 21 сентября исполнилось сто лет со-

дня рождения Константина Воробьёва. Это был мужественный, честный человек, хороший писатель, но не надо, как в некоторых юбилейных статьях, городить вокруг него частокол из великих имён – Толстой, Достоевский, да ещё и Шолохов, Леонов. Сейчас вытаскивали и то, что когда-то писал о Воробьёве Солженицын, который коснулся и советской литературы. Оказывается, до появления в 1963 году повести Воробьёва «Убиты под Москвой» «даже честные публикации о войне были искажены утайками и полуправдой». Даже честные! Надо ли упоминать нечестные... Но у кого же уняханы утайки – не у Шолохова ли в романе «Они сражались за Родину» или в статье «Наука ненависти»? Не у Твардовского ли в «Тёркине»? Не у Симонова ли в романе «Живые и мёртвые»? У кого и где удалось разглядеть полуправду – не у Гроссмана ли в романе «Народ бессмертен»? Не у Некрасова ли в «Окопах Сталинграда»? Не у Евгения Носова в «Красном вине победы»?.. Такие вопросы можно задавать долго. В этом ряду я назову и роман «Минное поле» Михаила Годенко, который вышел буквально вслед за «Убитыми под Москвой».

К слову можно заметить, что зимой 41–42-го годов под Москвой были не только убитые, хотя их много. Была ещё и первая за всю Вторую мировую войну победа над фашистами, был первый их разгром. А убитые... В оборонительных боях с 30 сентября 41-го года по 5 декабря безвозвратные потери Красной армии составили около 515 тысяч, а в наступательных боях с 5 декабря по 7 января 1942 года мы потеряли 140 тысяч. Вот какой ценой

Михаил Годенко и Иван Стаднюк на рыбалке

спасли город, о котором великий поэт не зря сказал:

*Москва! Как много в этом
звуке
Для сердца русского слилось,
Как много в нём отозвалось...*

Теперь отзываются в этом слове и названные страшные цифры. И победа, одержанная тогда.

Я встречался с Михаилом чаще, чем с кем-либо из однокурсников: мы были соседями по даче и захаживали друг к другу, беседовали о разных разностях, обменивались книгами, газетами. Сошлись мы в оценке поэта Р.

Да, искренний, душевный поэт, патриот, но почему такой

ажитаж? Четыре памятника уже поставили. Мы недоумевали.

Часто говорили о страшных делах на Украине. Он родился в Запорожской области, а вырос в Ворошиловградской (Луганской). Он остро переживал за всё, что там творилось. В одну из последних встреч прошлым летом он вдруг сказал: «Знаешь, а ведь я, оказывается, русский!» – и весело засмеялся. Не знаю, что за этим стояло: то ли действительно обнаружилось какие-то сведения о происхождении, то ли он хотел таким образом отстраниться от тех позорных дел на его родине... Не знаю. Но он так сказал. ■

Лето 1951 года. Студенты и преподаватели Литинститута. Курс, на котором учились Годенко и Бушин.

I ряд (слева направо): Эдуард Асадов; Виктор Левин (преподаватель церковно-славянского), Павел Новицкий (преподаватель советской литературы), Алла Белякова (поэтесса, жена поэта Вадима Сикорского), Александр Реформатский (преподаватель языкознания), Семён Шуртаков (самый старший на курсе, лауреат Госпремии, которую он отдал на сооружение памятника односельчанам, погибшим на войне), Лидия Симонян / Ежерец (преподаватель западной литературы, школьная подруга Солженицына), Петр Фатеев (литературовед, директор института), Леонид Шкавро (стихотворец из Свердловска);

II ряд: Алексей Кафанов (поэт, муж Л. Шлейман), Лидия Асадова («глаза» мужа), Людмила Шлейман / Кремнева (работала в журнале «Здоровье»), Семён Сорин (поэт), Григорий Бакланов, Порфирий Гаврутто (фронтовик, окончил институт заочно), Санги Дашцевгин (студент из Монголии), Лазар Силичи (студент из Албании, неизвестный), Андрей Марголин (как литератор не состоялся), Фатьмир Дзята (албанец), Евгений Марков (работал в журнале «Москва»);

III ряд: Николай Кривенченко (работал журналистом), Владимир Солоухин, Владимир Тендряков, Георгий Джаргов (позже министр культуры Болгарии), Юрий Бондарев, неизвестный, Николай Войткевич (староста курса), Владимир Бушин, Алексей Марков (поэт, не учился на этом курсе), Михаил Годенко, Василий Малов (поэт).

СОСЕДИ

Дружба двух столиц

Встречи петербургских и таллинских деятелей культуры, науки и бизнеса — добрая традиция с двадцатилетней историей. В этом году правительственная делегация Санкт-Петербурга во главе с вице-губернатором Владимиром Княгининым посетила Эстонию по случаю празднования 800-летия Таллина. Петербургских писателей в поездке представляли Евгений Лукин, Алексей Ахматов и Роман Круглов.

«Петербургские встречи» открылись в концертном зале «Алексела». Мэр эстонской столицы Михаил Кылварт поприветствовал гостей и наградил почётной медалью города Таллина директора театра «Балтийский Дом» Сергея Шубу.

Перед присутствующими выступили музыканты и танцоры: джаз-ансамбль Давида Голощёкина, оркестр Александра Медведева, ансамбль балетного танца «Жемчужина» ...

В Таллинской ратуше состоялся торжественный приём. Были подписаны партнёрские соглашения между библиотеками, школами и театрами двух столиц.

Директор Санкт-Петербургского «Дома писателя» Евгений Лукин представил собравшимся

книгу «Навстречу друг другу: Санкт-Петербург — Эстония». «Мы посвящаем этот сборник той позитивной исторической памяти, которая объединяет наши страны и города, — сказал Евгений Лукин. — Читатели найдут в нём материалы по «эстонскому» Петербургу и «петербургским» окрестностям Таллина. Как видите, всё в этом мире взаимосвязано, и наша задача лишь в том, чтобы стремиться укреплять и развивать эти взаимосвязи». Собравшиеся единодушно поддержали предложение таллинского мэра продолжить доброе начинание по укреплению взаимоотношений между Санкт-Петербургом и Таллином.

Сборник представили и на встрече с соотечественниками в посольстве России. Ветераны и блокадники горячо благодарили петербургских представителей за внимание к их нуждам и духовным запросам. На прощание Алексей Ахматов прочитал только что написанные стихи:

*Сядем рядом privately,
И мне скажет мой друг:
Очень жалко, что завтра
Уезжать в Петербург.*

Андрей Синицын

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Святые предки

Творческий вечер Евгения Лукина

Встреча прошла в Доме писателя и была приурочена к годовщине переноса святых мощей князя Александра Невского. Евгений Лукин презентовал свои книги: «Святой Александр Невский. 800 лет», «Святой Сергей Радонежский. 700 лет», «Святой Димитрий Донской», выпущенные в московском издательстве «Олма Медиа Групп».

Евгений Лукин изложил свои взгляды на историю Древней Руси, а также рассказал о том, что подвигло его на написание исторических сочинений. Присутствующие узнали о событиях далёких лет, о малоизвестных авторах, писавших прежде о святом князе Александре Невском, о политической обстановке и об отношении к Невской битве 1240 года в современной Швеции.

Также писатель сообщил, что в настоящее время готовится к исполнению оратория «Невская победа», либретто к которой он написал к 800-летию со дня рождения Александра Невского.

В дни празднования 700-летия преподобного Сергия Радонежского в Петербургской филармонии исполнялась «Радонежская оратория», либретто к которой также принадлежит перу Евгения Лукина.

Николай Прокудин

ШТУДИИ

«Метафора» Петербурга

В сентябре поэтическая студия «Метафора» под руководством председателя правления Санкт-Петербургского отделения СП России Бориса Орлова провела первое после летних каникул занятие в Доме писателя.

Борис Орлов рассказал о современных проблемах в литературной жизни России и Петербурга. Он процитировал фрагменты публикаций новых журналов и газет, что, к сожалению, подтвердило неприятный факт: уровень образованности и интереса к русской классической и советской поэзии у молодёжи снизился. По его словам, продолжается наступление агрессивной антикультуры, издаётся и пропагандируется «макулатура», рифмовка низкого пошиба, продолжается своего рода «историко-литературный склероз», когда забываются имена достойных, значимых писателей. Так, многие молодые петербуржцы не знают даже таких титанов советского прошлого, как поэты-фронтовики Михаил Дудин и Вадим Шефнер! Непростительно забывают недавно ушедших от нас прекрасных поэтов Юрия Шестакова, Ивана Стремякова...

«Наш долг — противостоять постмодернизму, серости, беспамятству, сохранять традиции классической русской литературы, помнить наших поэтов-классиков и современников, знакомить широкий круг читателей с их творчеством», — подчеркнул Борис Орлов.

Гость «Метафоры» — фотохудожник и скульптор Рафаэль Максудов предложил провести занятие в память о замечательном новгородском поэте и художнике Сергее Владимировиче Иванове. Рафаэль Максудов рассказал о знакомстве с Сергеем Ивановым и его творчеством, о беседах с писателем и живописцем в деревне Торбино. Борис Орлов, лично знавший Иванова, поддержал предложение провести памятную встречу, её запланировали на январь 2020 года.

В продолжение занятия в «Метафоре» участники семинара поделились летними впечатлениями.

Владимир Митюк побывал на фестивале фантастики, где презентовал питерские издания — альманах «Двойной тариф» и сборники «ПроФан», вызвавшие большой интерес.

Татьяна Никольская и автор этих строк Ирина Катченкова составляли и редактировали историко-литературный сборник «Береста Онфима».

Это проект, в котором принимают участие 17 авторов из Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Великого Новгорода, Петрозаводска, Мурманской области. Среди них — члены СП России Наталья Советная, Николай Пидласко, Ольга Мальцева, Наталья Пунжина... В сборник, который скоро будет издан, также войдут стихи выдающегося русского писателя-историка Дмитрия Балашова с предисловием его вдовы Ольги Николаевны Синицыной.

Кроме того, в этом году несколько участников «Метафоры» выпустили новые книги.

Ольга Мальцева,
Ирина Катченкова

«ГОРЯЧАЯ» ПРОЗА

Вернуться живым

Рассказы о войне окопной

В Петербурге в серии «Незабытая война» вышел пятитомник, посвящённый 30-й годовщине вывода советских войск из Афганистана, 25-й годовщине начала 1-й войны в Чечне и 20-й годовщине начала 2-й войны с террористами на Кавказе.

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со СМИ Правительства Санкт-Петербурга. Серию иллюстрировал член Союза писателей и Союза художников Санкт-Петербурга Юрий Зверлин — ветеран спецназа ГРУ и автор повести «Игра в солдатики».

В сборнике представлены рассказы и отрывки из произведений 20 авторов — ветеранов, офицеров и солдат, тех, кто участвовал в недавних войнах в Афганистане и в Чечне. Профессиональных и начинающих писателей объединило желание рассказать правду о малоизвестных локальных войнах. Ради своих погибших или ставших инвалидами боевых товарищей и ради того, чтобы войны никогда больше не повторились.

Все авторы книг — люди разной судьбы. Например, Андрей Грешнов провёл в Афганистане долгих 13 лет, был военным переводчиком и журналистом. Сол-

датами-срочниками воевали в разные годы Олег Ермаков, Виталий Лысак и Сергей Скрипаль, и на их долю выпали самые тяжёлые испытания.

Многие литераторы — в прошлом простые офицеры: разведчик Александр Карцев, десантник Владимир Осипенко, военврачи Владимир Гуд и Александр Филатов, танкист Сергей Погодаев, переводчик Борис Подпригора, автомобилист, ветеран войны в Афганистане и на Кавказе Сергей Гуляев.

В книге Сергея Гуляева «Война чужих» — правда о войне окопной, не такой, какой она видится из высоких штабов и в мемуарах генералов. В сборнике повестей и рассказов герои, как правило, не выдуманы, а списаны автором с боевых товарищей, в произведениях угадывается и много личных историй писателя, хотя он подчёркнуто избегает аналогий.

Дебютная книга Виталия Лысак «Дорога Кабул — Джелалабад» — это правдивый рассказ о том, что увидел своими глазами простой солдат-разведчик, воевавший более двух лет в Афганистане, в 3-м батальоне 180-го мотострелкового полка, о службе, жизни и боевых действиях на дороге Кабул — Джелалабад.

Роман-трилогия о войне в Афганистане Николая Прокудина «Вернуться живым» — одна из лучших книг, написанных о войне. Это произведение (но под названием «Район десантирования») вошло в 100 книг для библиотек МО РФ в 2010 году. Роман выдержал четыре издания.

Вторую часть сборника «Незабытая война» составила проза ветеранов войны на Кавказе. В этом регионе сполна хлебнули военных невзгод и испытаний Олег Воропаев, Евгений Лукин, Александр Разживин, Райян Фарукшин, Никита Филатов. Об этом с неподдельной честностью рассказывают их произведения.

Сергей Стоногин,
ветеран войны в Афганистане

РЕДКАЯ КНИГА

Правда солдата Никулина

Автор не хотел публиковать свои воспоминания

Книга «Воспоминания о войне» вышла впервые небольшим тиражом в издательстве Эрмитажа, где долгие годы работал после войны её автор — профессор, доктор искусствоведения, с предисловием директора музея Михаила Пиотровского. Николай Никулин написал её в 1975 году, когда «броня страха, стискивавшая наши души, стала давать первые трещины». В то время о том, что на самом деле творилось в осаждённом Ленинграде и на фронтах вокруг него, писать было ещё нельзя. 30 лет пролежало это поразительное произведение — страшная правда о войне — в письменном столе автора, который прошёл её солдатом до Берлина. Однако и сегодня эта книга известна лишь немногим.

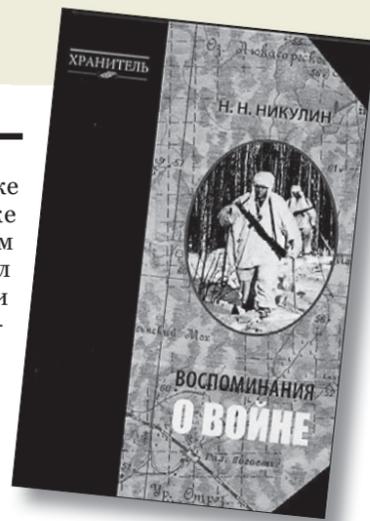

Николай Николаевич Никулин родился в 1923 году в селе Погорелка Мологского уезда Ярославской губернии. В 1941 году окончил десятилетку и сразу со школьной скамьи добровольцем ушёл на фронт. Воевал солдатом на самых кровавых участках фронта под Ленинградом, был четыре раза ранен, дошёл до Берлина. После демобилизации поступил и с отличием окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета. В 1957 году успешно окончил аспирантуру при Государственном Эрмитаже и защитил диссертацию. С 1949 года работал в Государственном Эрмитаже экскурсоводом, а затем научным сотрудником отдела западноевропейского искусства, где трудился более 50 лет, а также преподавал в Институте

имени И.Е. Репина. Стал членом-корреспондентом Российской академии художеств, ведущим научным сотрудником и членом Учёного совета Государственного Эрмитажа. Умер 19 марта 2009 года.

Воспоминания Никулина больно и горько читать. Автор и сам понимал это, а потому не хотел свою книгу печатать, сделав это всего лишь немногим более чем за год перед смертью и уже много лет спустя после окончания войны. Он, чудом уцелевший, предчувствовал, что найдутся те, кто будет его за эту беспощадную правду осуждать.

Владимир Малышев

КОНСПЕКТ С КОММЕНТАРИЯМИ

Никто не мог предполагать...

«...Весной 1941 года в Ленинграде многие ощущали приближение войны, — вспоминает Никулин. — Информированные люди знали о её подготовке, обывателей настораживали слухи и сплетни. Но никто не мог предполагать, что уже через три месяца после вторжения немцы окажутся у стен города, а через полгода каждый третий его житель умрёт страшной смертью от истощения. Тем более мы, желторотые птенцы, только что вышедшие из стен школы, не задумывались о предстоящем.»

А ведь большинству суждено было в ближайшее время погибнуть на болотах в окрестностях Ленинграда. Других, тех немногих, которые вернутся, ждала иная судьба — остаться калеками, безногими, безрукими, или превратиться в неврастеников, алкоголиков, навсегда потерять душевное равновесие...

Объявление войны я и, кажется, большинство обывателей встретили не то чтобы равнодушно, но как-то отчуждённо. Послушали радио, поговорили. Ожидали скорых побед нашей армии — непобедимой и лучшей в мире, как об этом постоянно писали в газетах. Сражения пока что разыгрывались где-то далеко.

В первые военные дни в городе сложилась своеобразная праздничная обстановка. Стояла ясная, солнечная погода, зеленели сады и скверы, было много цветов. Город украсился бездарно выполненными плакатами на военные темы. Улицы оживили. Множество новобранцев в новехонькой форме деловито сновали по тротуарам. Повсюду слышалось пение, звуки патефонов и гармошек: мобилизованные спешили в последний

раз выпить и отпраздновать отъезд на фронт.

Почему-то в июне—июле появилось в продаже множество хороших, до тех пор дефицитных книг. Невский проспект превратился в огромную букинистическую лавку: прямо на мостовой стояли столы с кучами книжек».

Нож в масло

«В начале войны немецкие армии, — рассказывает Никулин, — вошли на нашу территорию, как раскалённый нож в масло. Чтобы затормозить их движение, не нашлось другого средства, как залить кровью лезвие этого ножа. Постепенно он начал ржаветь, тупеть и двигался всё медленней.»

А кровь лилась и лилась. Так сгорело ленинградское ополчение. Двести тысяч лучших, цвет города. Но вот нож остановился. Был он, однако, ещё прочен, назад его подвинуть никак не удавалось. И весь 1942 год лилась и лилась кровь, всё же помаленьку подтачивая это страшное лезвие.

Так ковалась наша будущая победа. Кадровая армия погибла на границе. У новых формирований оружия было в обрез, боеприпасов и того меньше. Опытных командиров — наперечёт. Шли в бой необученные новобранцы...

— Атаковать! — звонит Хозяин из Кремля.

— Атаковать! — телефонирует генерал из тёплого кабинета.

— Атаковать! — приказывает полковник из тёплой землянки.

И встаёт сотня Иванов, и бредёт по глубокому снегу под перекрёстными трассами немецких пулемётов. А немцы в тёплых дзотах, сытые и пьяные, наглые, всё предусмотрели, всё рассчитали. Всё пристреляли и бьют, бьют, как в тире.

Однако и вражеским солдатам было нелегко. Недавно

один ветеран рассказал мне о том, что среди пулемётчиков их полка были случаи помешательства: не так просто убивать людей ряд за рядом — а они всё идут, и нет им конца...

Один лишь номер

От дивизии нашей давно остался один лишь номер, повара, старшины да мы, около пушки. Скоро и наш черёд... Гимнастёрка и штаны стали как из толстого картона: заскорузли от крови и грязи. На коленях и локтях — дыры до голого тела: проползал. Каску бросил, тут их мало кто носит, но зато много валяется повсюду. Этот предмет солдатского туалета используется совсем не по назначению. В каску обычно гадим, затем выбрасываем её за бруствер траншеи, а взрывная волна швыряет всё обратно, нам на головы...

Покойник нестерпимо воняет. Их много здесь кругом, старых и новых. Одни высохли до черноты, головы, как у мумий, со сверкающими зубами. Другие распухли, словно готовые лопнуть. Лежат в разных позах. Некоторые неопытные солдаты рыли себе укрытия в стенах траншеи, и земля, обвалившаяся от близкого взрыва, придавила их. Так они и лежат, свернувшись калачиком, будто спят, под толстым слоем песка. Картина, напоминающая могилу в разрезе...

«Что делают, гады!»

...Уже третий день пехота штурмовала деревню. Сперва пошла одна дивизия — 6 тысяч человек. Через два часа осталось от них две тысячи. На другой день оставшиеся в живых и новая дивизия повторили атаку с тем же успехом. Сегодня ввели в бой третью дивизию, и пехота опять залегла. Густая россыпь трупов была нам хорошо видна на склоне холма...

«Что делают, гады! Надо же обойти с флангов! Надо же не лезть на пулемёты, зачем гробить людей!» — всё стонал полковник. Но «гады» имели твёрдый приказ и выполняли его...

«Что делают, гады! Ах, что делают, сволочи!» — всё твердил наш полковник. Мы сидели рядом и смотрели с высоты на творившееся перед нами злодейство.

Вдруг связист позвал полковника. Выслушав то, что говорили ему по телефону, полковник повернулся к нам: «Разведчиков и радиостов накрыло тяжёлым снарядом на подступах к деревне. Соберитесь, пойдёте им на смену!» Он указал пальцем туда, на холм, в крошечный ад огня и дыма.

«Есть!» — ответили мы...

На языке готов

В книге Никулина есть поразительные страницы, свидетельствующие о неоспоримом моральном превосходстве русского солдата над гитлеровцами, которые надменно считали, что воюют со страной «унтерменшей», недочеловеков.

«Однажды, — пишет автор, — в зимние дни конца 1943 года, когда холод сковал тундру и скалы Кольского полуострова, русские разведчики притащили из вражеского тыла здорового рыжего верзилу — майора. Фамилия его начиналась с приставки «фон». На допросах он молчал, презрительно глядя на своих противников с высоты своего двухметрового роста...

Его допрашивали много раз, лупили, но безуспешно. Наконец кто-то из переводчиков, устав, решил обратиться к Дьяконову (тоже переводчику, мобилизованному учёному из Ленинградского университета. — Прим. ред.). Игорь

Михайлович предложил немцу закурить и, помолчав, спросил его: «Кем Вы были до войны?» Тот удивился: немецкий этого русского был безупречен... Он процедил сквозь зубы, совсем не уверенный, что этот варвар поймёт: «Филологом».

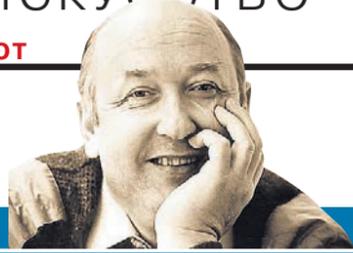
— Да... чем же вы конкретно занимались?

— Языком времён готов.

Дьяконов был взволнован. Давно-давно, в детстве, ему с братом попала рукопись стихотворения готских времён из библиотеки отца. Это стихотворение не было опубликовано, о нём знали только узкие специалисты, человек восемь-семь на всём земном шаре. С трудом вспоминая, Дьяконов стал декламировать готские стихи...

И вдруг верзила-немец словно сломался, согнулся, опустил голову, крупные слёзы покатились из его глаз. Он обнял Дьяконова, несколько минут приходя в себя, переживая крушение своих представлений о русских, о мире, и потом заговорил, заговорил, заговорил...

Переводчики пристали к Дьяконову с расспросами, как он сумел добиться такого успеха? Но понять это им было не дано так же, как многие не понимают, почему вообще русские победили немцев в этой страшной войне. ■

Юрий Данилин, музыкальный критик

Свет памяти

В сентябре вспоминали славные имена — Геннадия Рождественского, Евгения Светланова, основателя Московской консерватории Николая Рубинштейна. Имели место приятные неожиданности. Светлановский оркестр под управлением Владимира Юровского исполнил сочинение современного и по композиторским меркам ещё очень молодого автора Алексея Ретинского «De Profundis». Ретинский получил музыкальное образование во многих славных учебных заведениях и, скорее всего, пребывал там не напрасно. Музыка напоминала то «Бар в Фоли-Берже» Эдуарда Мане во всех вариантах, то вечность, замирающую вне времени и поглощающую все звуки мира. Слушать было интересно. Автор вышел на поклон с задорной кочичкой на голове и обнимал дирижёра. Было за что. Оркестр блестяще справился с исполнением этой новой и удивительной музыки.

В этот же вечер с оркестром играл и пианист Александр Гаврилюк. Всегда событие. В прошедшем сезоне он не навещал Москву, были проблемы с рукой. Но, слава богу, теперь они исчерпаны, в чём все и убедились, слушая «Рапсодию на тему Паганини» Рахманинова. Отличительная и покоряющая черта пианиста в том, что самое заигранное произведение у него звучит как абсолютно новое и неизвестное. Будто бы Сергей Васильевич Рахманинов только вчера всё это написал. Строг к себе, самокритичен, любознателен, потому, видимо, всегда в чём-то неожидан. И не думает меняться!

Консерватория обзавелась собственными абонеентами. Возможность играть в приличных залах появилась у многих молодых музыкантов. Послушал выступление пианиста Дмитрия Каприна из затей под названием «Шопениана». Основными в программе были этюды Шопена. Как известно, посвящённые Листу и графине д'Агу. Опусы 10 и 25. Исполнитель усадил Шопена в императорскую колесницу, противную самой сущности композитора, и громыхал на ней часа полтора. Очень квалифицированно — всё было правильным. Понятно, где «гибкость и растяжка правой руки», ломаные арпеджио и чёрные клавиши, двойные ноты легато и гаммообразные пассажи. Всё умел Дмитрий Каприн. Но где интонация Шопена? Чем, собственно, сочинение и отличалось от всех остальных известных этюдов. Интонационную риторику Каприна можно было бы назвать «доцентовой»: всё правильно, но неизвестно зачем. Очень жаль. Надеюсь, прочие выступления в «Шопениане» будут ближе к композитору.

Самое трогательное сентябрьское воспоминание было посвящено Елизавете Григорьевне Гилельс. Внук талантливых скрипачей Леонида Когана и Елизаветы Гилельс ассистент-стажёр МГК Даниил Коган посвятил бабушке интересную концертную программу в Малом зале консерватории. Вместе с пианистом Олегом Худяковым. У Даниила, единственного теперь скрипача из знаменитой фамилии, выхода нет, надо ей соответствовать. Замечу, что надежды есть: каждое выступление всё серьезнее и значительнее. Не исключение и этот концерт. Исполнение Крейслера, Брамса, Изан, Франка было вдохновенным, ярким, очень выразительным. Многообещающий союз с Худяковым. Редкое взаимопонимание музыкантов, чуткий рояль и удивительная способность сохранять все индивидуальные достоинства партий. Олег Худяков — один из самых способных пианистов своего поколения. По моим наблюдениям, беспокойный человек, любитель творческих авантур. Просыпается — и уже знает, чем осложнить жизнь себе и окружающим. Почти всегда это ему удаётся. Когда нет — переживает и тут же придумывает новые приключения на собственную голову. А рояль у него лёгкий, увлекающий, вдумчивый, сложности, кажется, не для него. Слушать — подлинное удовольствие. Так что столетие Елизаветы Григорьевны Гилельс было музыкальным и запоминающимся!

В Большом зале консерватории играл Андрей Коробейников. Ни на кого не похожий, что замечательно. Он и к роялю выходит не в традиционном образе: на этот раз — распахнутый пиджак, и ворот рубашки один наверху, другой спрятавшийся. Обещает неожиданности. Больше частью приятные — удачно играл в прошедшем сезоне Четвёртый концерт Рахманинова в зале Чайковского, запомнился исполнением сонат Шостаковича слушателям ежегодного музыкального фестиваля профессора Московской консерватории Людмилы Кокорева. Но вот «32 вариации на темы Диабелли» Бетховена как-то не воодушевили. Скуповато обошёлся с эмоциями композитора, да и со своими собственными тоже. Бывает!

Объявлено о подготовке VIII Международного конкурса пианистов памяти легендарной Веры Лотар-Шевченко. По традиции он пройдёт в г. Екатеринбурге с 29 августа по 11 сентября 2020 года. «ЛГ», как обычно, расскажет об этом уже популярном событии. ■

«Всегда быть в маске»

Премьера музыкального спектакля «Мистер Георг Отс» в «Геликон-Опере»

Биограф — Рене Соом, Тереза — Наталья Загоринская

Театр «Геликон-Опера» открыл 30-й сезон премьерой музыкального спектакля «Мистер Георг Отс», посвящённого памяти самого любимого жителями Советского Союза певца — баритона Георга Отса, эстонца, родившегося в Петрограде (ныне — Санкт-Петербург) и большую часть своей жизни прожившего в Эстонии. Удивительно, что идея посвятить целый спектакль памяти выдающегося артиста, истинного любимца миллионов, пришла москвичу Дмитрию Бертману, а не петербуржцу или эстонцу.

Официально спектакль называется «Мистер Георг Отс» и является совместной постановкой с ведущей эстонской концертной организацией Eesti Kontsert. Но слово «мистер» в советской действительности использовалось с иронией, наподобие той, которая сквозит в стихотворении Самуила Маршакка: «Мистер Твистер, бывший министр, мистер Твистер, банкир и богач...». Поэтому спектакль о таком любимом, почти родном артисте я буду называть без титула «мистер».

Автор либретто — Марина Скалкина, режиссёр-постановщик — Дмитрий Бертман, дирижёр-постановщик — Валерий Кириянов. В спектакле нет артиста, который бы исполнял Георга Отса, т.к., по мнению Бертмана, это было бы фальшью — невозможно скопировать такую великую личность. Но Отс там присутствует, хотя главные «герои» — время и обстоятельства, в которых жил и творил певец. Эффект присутствия Отса создаётся множеством проецируемых фотографий, мельканием кинокадров из фильмов с его участием, звучанием его на редкость проникновенных записей, причём и оперных арий, и опереточных, и песен, которые он любил, и которые тоже принесли ему славу. А повествование в спектакле ведётся от имени биографа (Рене Соом, Эстония).

Спектакль начинается трагической сценой, когда в начале Великой Отечественной войны 1941–1945 годов пароход «Сибирь» с ранеными на борту идёт из Талли-

на, на который надвигается немецкая армия, в Ленинград, но подрывается на немецкой мине, заложённой захватчиками в Балтийском море, и начинает терпеть бедствие. Молодой призывник Георг Отс, сопровождавший раненых, помогает сгружать их на шлюпки, но мест всем не хватает, тогда он, лучший пловец Эстонии, уступает своё место в шлюпке кому-то из пассажиров парохода, а сам несколько часов проводит в холодном море...

Далее в спектакле показаны страницы жизни Отса, не столько сценические, сколько личные: первая жена, сбегавшая с немецким офицером; затем — бросившая его вторая жена, танцовщица Аста (Ксения Лисанская), ревновавшая певца даже не к другим женщинам, а к его успеху и славе; и, наконец, жизнь с третьей женой — Илоной (Майя Барковская), полностью посвятившей себя мужу и оставшейся с ним до последнего его часа. А «час» этот был так короток — всего 55 лет, опухоль мозга унесла Георга Отса в другой мир.

Поразительно, как иногда проецируются на артистов исполнявшиеся ими роли! Мистер Икс в оперетте и одноимённом фильме поёт: «Всегда быть в маске — судьба моя», а Георг Отс, как все артисты, в спектаклях «носил маски» своих персонажей, а в конце жизни ему пришлось носить маску буквально — тёмные очки, т.к. из-за прогрессирующей болезни он стал терять зрение...

Пронзительная линия — любовь знаменитой оперной

певицы Терезы Стратас (Наталья Загоринская) к Георгу. По словам Бертмана, эта история — не художественный вымысел, она основана на воспоминаниях людей, близко знавших Стратас и Отса. Взаимная любовь была или безответная, теперь уже не скажет никто, но что встречаю Георга и Терезы и важным зарубежным гастролем Отса активно мешали Госконцерт (организация, занимавшаяся гастролем советских артистов за рубежом) и Министерство культуры — это факт, и он отражён в спектакле. Да и без участия КГБ не обошлось (агент КГБ — Алексей Исаев, только вот милицейская фуражка на нём выглядит нелепо). Интересная идея — показать одну из поклонниц Отса (Хейли Вескус, Эстония), отказавшуюся от своей свадьбы из-за любви к певцу и посвятившую ему свою жизнь, но не притязавшую на него, как на спутника жизни. У каждого выдающегося оперного певца или певицы есть один-два, а то и больше таких преданных поклонников, которые проживают вместе с артистом его жизнь, это своего рода жертвенный подвиг, но о них никогда не говорят, и тем более не показывают на сцене. Так что Бертман в этом смысле, наверное, первый.

Сценография спектакля — весьма условна, те или иные декорации только обозначают место событий (художник-постановщик — Ростислав Протасов), а, впрочем, как это может быть иначе? Большую и важную миссию выполняет хор — он не только поёт, но и прекрасно танцует (главный хореограф — Эдвальд Смирнов), а танцев в постановке много.

В знаменитом романсе о постаревшей актрисе поётся: «Она соперниц не имела». Не имел соперников и Георг Отс — ни при жизни, ни сейчас.

Людмила Лаврова

СОБЫТИЕ

В Риме вручат Пушкинскую премию

10 октября в Риме, в столичной мэрии на Капитолийском холме, уже в третий раз будет вручена Международная Пушкинская премия. Организаторы – ассоциация «Друзья Великой России», созданная общественными деятелями Юлией Базаровой и Паоло Драгонетти для продвижения русской культуры и искусства на Апеннинах, фонд «Русский мир», Капитолийская Ассамблея и компания «Eventi-Rome».

Открытие пройдёт в торжественной обстановке под звуки гимнов двух стран в исполнении оркестра Государственной полиции Италии. В этом году в Почётный комитет премии вошли потомок великого поэта Михаил Воронцов-Вельяминов, главный редактор «ЛГ» Максим Замшев, директор Всероссийского музея Пушкина Сергей Некрасов, ректор университета «Ла Сапьянца» Антонелло Фолко Биаджини, кинопродюсер Роберто Бесси, заслуженный деятель искусств РФ Аким Салбиев, президент Фонда итальянских писателей Натале Антонио Россини.

Возглавляют жюри знаменитые литературный критик Арнадо Коласанти и поэт Элио Пекора. Премия вручается в четырёх номинациях: «Литература», «Искусство», «Научные работы» и «Неизвестный поэт».

НАТАЛЬЯ ЦАРЬКОВА

Лауреатом первой Международной Пушкинской премии стала итальянская поэтесса Антонелла Анедда, а второй – журналист-международник Алексей Букалов за книгу «Пушкинская Италия», российская художница Наталья Царькова и итальянский литературовед Алессандра

Карбоне за научную работу о творчестве Михаила Лермонтова.

В этот раз на премию претендуют Евгений Солонович за перевод итальянской поэзии на русский язык – Данте, Петрарки и ранее не изданного в России римского поэта Джоаккино Белли, режиссёр Галина Евтушенко за диалог «Пушкинская Италия» и профессор Эмилио Мари за книгу «Из деревни в город. Ландшафт и народная культура Петербурга, 1830–1917».

На сегодняшний день премия официально поддержана и получила патронат Римской городской мэрии, российско-итальянского Форума диалога по линии гражданских обществ, Университета «Ла Сапьянца», Фонда им. Алберики Фило дела Торре, Университета Пизы, Объединённой федерации писателей Италии (F.U.I.S.), Координационного совета ассоциаций российских соотечественников (КСАРСИ), а также патронат и финансовую поддержку фонда «Русский мир».

Главный медиа-партнёр – «Литературная газета».

ГВОЗДЬ СЕЗОНА

Гул затих...

«Лента поэзии» у Никитских ворот – сезон второй

В конце прошлого сезона в театре «У Никитских ворот» состоялась презентация «Ленты поэзии» – нового проекта Марка Розовского, задуманного им для Старой сцены, ставшей настоящей экспериментальной площадкой. Это цикл литературно-театральных вечеров, каждый из которых посвящён творчеству одного из российских поэтов. Их личности раскрываются не через факты биографий и строки мемуарной литературы. О поэтах рассказывают их стихи.

Первыми именами стали Пушкин и Цветаева. Народный артист РФ, лауреат Государственной премии Валерий Шейман предлагает на суд зрителей разнохарактерный поэтический моноспектакль, в котором гениальные строки А.С. Пушкина предстают в игровой форме. Заслуженная артистка РФ Марина Кайдалова приоткрывает завесу над сложным, эмоционально напряжённым, романтическим миром М.И. Цветаевой. Режиссёром обеих постановок стал М. Розовский.

12 октября театр приглашает на новый спектакль «Ленты».

Молодые актёры Дарья Щербакова, Вячеслав Пронин и Никита Сюсюкин представят свой взгляд на творчество и личность одного из самых известных русских поэтов – Сергея Есенина. В их самостоятельной работе будет много стихов, романтических, реалистичных, яростных, и много музыки.

Творчество выдающегося советского поэта Бориса Слуцкого представит известный писатель, переводчик, правозащитник Алексей Кириллович Симонов. Моноспектакль будет показан впервые 15 ноября. Заслуженная артистка РФ Ольга Лебедева работает над спектаклем, посвящённым «шестидесятиникам»: Евтушенко, Рождественскому, Ахмадуллиной, Вознесенскому. Премьера запланирована на 22 ноября.

Далее зрителей ждут сюрпризы и открытия, новые трактовки и свежие переживания на встречах с В. Маяковским, А. Блоком, Д. Самойловым, Ю. Левитанским, И. Бродским, А. Ахматовой, К. Симоновым... Проект «Лента поэзии» будет поистине бесконечным, потому что бесконечна русская поэзия!

Иван Валентинов

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Жанны и Зои были всегда

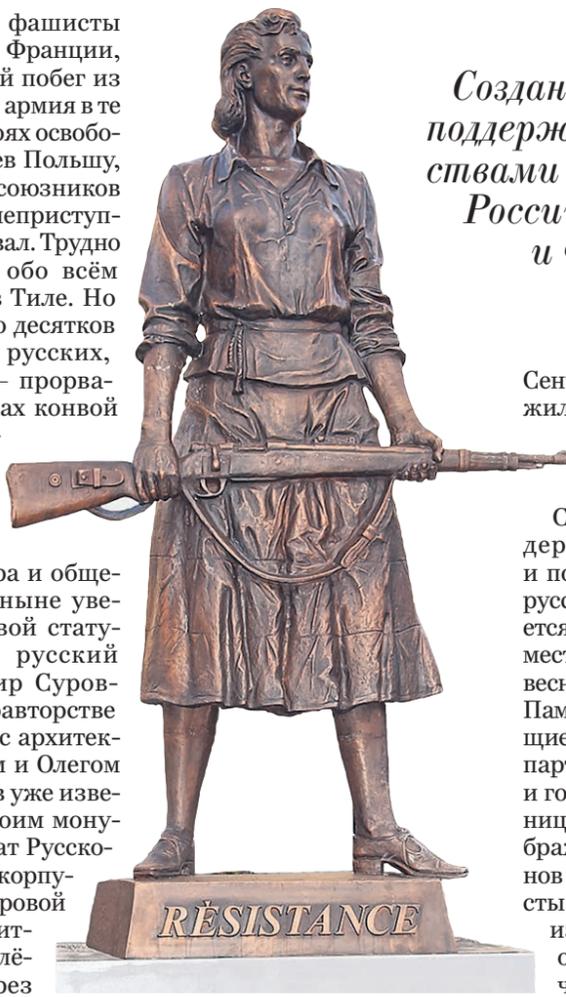
В горняцкой Лотарингии встанет монумент в честь узниц фашистского концлагеря

На земле Франции воздвигнуто немало памятников, напоминающих о подвигах русских воинов. В Мурманске, например, находятся часовня и братский некрополь в связи с событиями Первой мировой войны, о братстве французских и советских лётчиков напоминает памятник авиационной эскадрилье «Нормандия–Неман» в Ле Бурже, есть памятные места на парижском кладбище Пер-Лашез...

От Марселя и до берегов Ла-Манша в тяжёлые годы не раз вместе стояли в сражениях русские с французами. И об этом помнят жители городов и маленьких посёлков. До последнего времени не находила места на памятной карте Франции участь русских и советских узников кайзеровского и гитлеровского плена. Они не только стойко переносили тяготы и унижения, но нередко проявляли и большое мужество, готовность к самопожертвованию. Одна из страниц истории связана с Тилем – небольшим городом в Лотарингии. Здесь в середи-

не 1944 года, когда фашисты ещё хозяйничали во Франции, произошёл массовый побег из концлагеря. Красная армия в те дни в тяжелейших боях освобождала от гитлеровцев Польшу, а солдаты западных союзников брали казавшийся неприступным Атлантический вал. Трудно сказать, знали ли обо всём этом в концлагере в Тиле. Но есть факт: несколько десятков советских узниц – русских, белорусок, евреек – прорвали с оружием в руках конвой и ушли в близлежащие леса, пополнив ряды французского Сопротивления...

Память героинь по призыву мэра и обществу города ныне увековечил трёхметровый статуей замечательный русский скульптор Владимир Суровцев. Он работал в соавторстве с сыном Даниилом и с архитекторами Владимиром и Олегом Сягинными. Суровцев уже известен во Франции своим монументом в честь солдат Русского экспедиционного корпуса времён Первой мировой войны, который высится в Париже неподалёку от того моста через

”
Создание памятника поддержано правительствами и посольствами России, Белоруссии и Франции.
“

Сену, который в 1896 году заложил в память об отце, основателе военного союза Франции и России, император Николай II.

Создание памятника поддержано правительствами и посольствами России, Белоруссии и Франции. Предполагается, что монумент в горняцком местечке будет открыт будущей весной, в канун юбилея Победы. Памятник имеет две составляющие – скульптура безымянной партизанки работы Суровцева и горельеф белорусской художницы Эллы Гришечкиной с изображением крупноформенных вагонов для скота, в которых фашисты целыми эшелонами гнали из СССР в рабство тех, к кому относились презрительнее, чем к домашним животным.

Как полагает скульптор, и русские, и французы, да и все люди доброй воли смогут узнать в его партизанке знакомые, даже родные сердцу черты. «Один обнаружит в моей героине Марианну и Жанну д'Арк, другой – Зою Космодемьянскую или Ульяну Громову. Сильных, непокорных врагам женщин было всегда немало!» – говорит Владимир Суровцев. И поясняет: «Смешав в лице и во всём облике некие общие и оригинальные признаки, свойственные разным европейским народам, я постарался вывить их глубинное, неуничтожимое духовное родство!» Интернационализм, воля к свободе, женская взаимовыручка перед лицом бесчеловечной жестокости, стойкость в борьбе за мирное небо над головой – такие идеалы, которые соединяет в себе тильская воительница. Она на века останется у ворот рудников, где полные беззаветной, достойной пера античных поэтов храбрости восстали против каторжного принуждения семь с половиной десятилетий назад наши соотечественницы.

Никита Дмитриев,
Париж

20 СТОЛИЧНЫЙ КОНТЕКСТ

ГОРОДСКАЯ СРЕДА

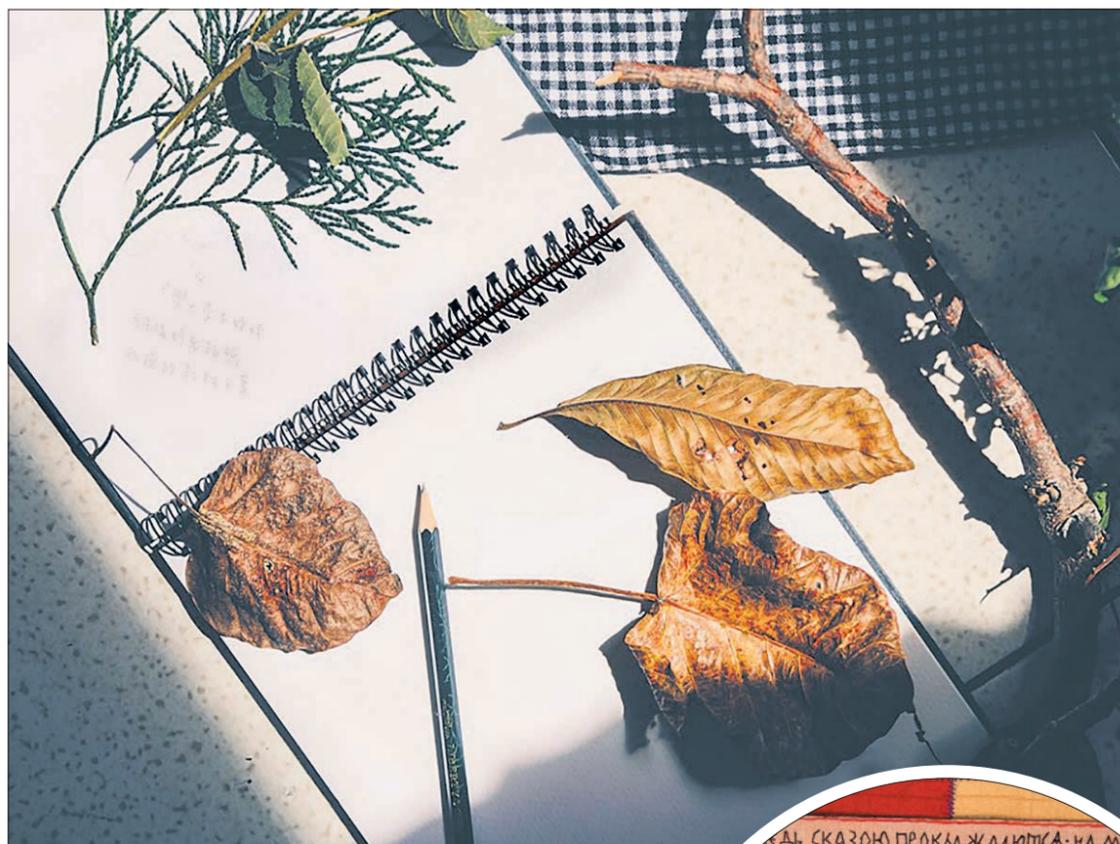
Стихи на кончике кисточки
под осеннюю рапсодию

О досуге на все случаи жизни

«Открыл окно. Какая хмурая / Столица в октябре!» — когда-то написал об осени Блок. Правда, о петербургской. Видимо, душил поэта сезонный сплин, задождило и похолодало у него на душе, и не нашлось в ту пору у Александра Александровича лекарства от осенней хандры.

А вот у современного среднестатистического москвича, легко предположить, октябрьское настроение заметно лучше. Одна из причин — досуговые возможности куда приятнее и разнообразнее. За примерами далеко ходить не надо — уж скоро неделя минет, как поражает горожан гастрономическим изобилием фестиваль «Золотая осень». Побывав на его площадках, совершаешь настоящее кулинарное путешествие по стране, не покинув столичных пределов. Если же минорные мысли всё равно не отступают — на помощь придёт искусство. Музыка, живопись. Иногда, как говорится, в одном флаконе. В промышленном районе Текстильщики, допустим, сейчас звучит «Осенняя рапсодия» — так называется выставка произведений современной живописи и графики художников Международного художественного фонда, открывшаяся на прошлой неделе в культурном центре «Москвич». Заходишь в фойе одного из самых популярных городских ДК — и сразу попадаешь на пиршество красок. Золото листьев, багрянец калины и рябины, обилие антоновки и осеннего разнотравья, натюрморты с грибами и прочей снедь, охотничьи сюжеты — богаты разнообразием палитры мастеров кисти. Всё, за что можно любить осень, найдёт в их работах любители живописи. И в Третьяковку жителям района не обязательно ехать, когда есть возможность побывать на выставке рядом с домом.

У поклонников изобразительного искусства, проживающих в Черёмушках, тоже есть возможность получить эстетическое удовольствие, что называется, в шаговой доступности. До 4 ноября в экспозиционном пространстве в фойе малого зала центра культуры и творчества «Меридиан» будет проходить необычная выставка, состоящая из картин профессионального художника, рисунков ребёнка и стихов музыканта-скрипача, — «Стихи на кончике кисточки». Её автором и организатором стала Мария Белялова, музыкант-скрипач, артист Академиче-

Такие разные экспонаты: минорные оттенки «Осенней рапсодии» в КЦ «Москвич» и яркость лоскутной мозаики в Музее народного искусства

ского большого концертного оркестра им. Юрия Силантьева.

— Поэзия — это живопись словом, это краски рифм и оттенки созвучий, — делится она своими эмоциями. — Живопись — рифмованные слог палитры, гармония пропорций и формы. Живопись и поэзия — две стихии, два самостоятельных творческих мира. Но когда они объединяются в единое целое, их синтез помогает яснее и глубже понять идею, прочувствовать замысел автора. Выставка «Стихи на кончике кисточки» как раз об этом. О слиянии стихов и красок. Название родилось в 2015 году, когда в Зюзине проводился конкурс детской книги. Мой сын Ваня в тот момент занимался в художественной студии, и родилась идея написать стихи на его рисунки и самим переплести и оформить книгу. Книга получила название «Стихи на кончике кисточ-

ки». Она всем очень понравилась и заняла на конкурсе первое место. Через несколько лет захотелось расширить возможности этой темы. Так появилась выставка картин под таким же названием.

Как оказалось, Беляловы вообще семья многогранная. Мария — профессиональный музыкант, но с шести лет пишет стихи. Сын Ваня, ныне ученик 4-го класса, тоже увлечен музыкой — воспитанник детской музыкальной школы им. Соловьева-Седого по классу кларнета. А мама Ольга Белялова — профессиональный живописец, член Творческого объединения «Художник», участник и лауреат выставки Artweek. Сравнительно недавно стала заниматься масляной живописью, которая занимает заметную часть представленной экспозиции. Вот в таком

тройственном союзе талантов рождаются «Стихи на кончике кисточки».

Культурные центры столицы вроде «Москвича» или «Меридиана» круглогодично готовы обеспечить жителей ближайших районов возможностью приятно и полезно провести время. Горожане этому только рады — посетить выставку, творческие мастерские, побывать на лекции сейчас можно, даже не уезжая далеко от дома. Не отстают в этом смысле от крупных точек притяжения учреждения культуры и в других районах Москвы. Культурные центры, библиотеки, детские школы искусств находятся под пристальным контролем городских властей: благоустраиваются, ремонтируются, оснащаются новым оборудованием. Ведь поддержка и развитие учреждений культуры в столице — одна из важнейших задач программы «Мой район».

Жители всех частей городского мегаполиса будут располагать равными возможностями для качественного досуга вне зависимости от того, где они проживают.

Многие москвичи, обособившиеся в Измайлове, в настоящее время с удовольствием открывают для себя такое культурное направление, как «мягкая мозаика». Дело в том, что Музей народного искусства «Народные картины», расположенный в этом районе, сейчас знакомит их с необычной экспозицией работ, представленной на фестивале «Лоскутная мозаика России». Так вот, все картины здесь созданы из лоскутков ткани разного цвета и фактуры. Вспомните милые коврики, которые вешали на стену или которыми покрывали сиденья кресел наши прабабушки, — вот это как раз она, «мягкая мозаика». Это может быть пейзаж, декоративное панно или восхитительно красивые пёстрые одеяла, выполненные в лоскутной технике. Некоторые работы повторяют сюжеты русского лубка. Впрочем, чаще всего рассказывают о таком бессмысленно. Их надо просто видеть. Тем более что в Измайлове представлены работы победителей фестиваля, главная цель которого — возрождение народных традиций работы с тканью. Это роспись, вышивка, аппликация.

Библиотеки осенью тоже позволят приятно провести время и избавиться от осенней хандры. Например, читальня под номером 104 из района Рязанский, что на юго-востоке Москвы, не забыла про юбилей одного из популярнейших мастеров приключенческого жанра — Фенимора Купера, организовав в одном из залов экспозицию, посвящённую 230-летию со дня рождения писателя.

— Да все пацаны в моё время играли в индейцев и ковбоев, — улыбается местный житель Степан Казанцев. — «Зверобой», «Следопыт», «Прерия» — я прямо зачитывался. Сейчас вот сына привёл — может, тоже полюбит приключенческую литературу. Тем более, тут не только почитать можно, но и посмотреть, как жили и воевали все эти популярные персонажи Купера. Замечательная выставка. Библиотеке — спасибо!

Виталий Веселовский

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Сергей Собянин, мэр Москвы:

— Сверхзадача программы «Мой район» — создать комфортные условия для жизни во всех районах Москвы. Они должны быть максимально качественными и равными для каждого уголка столицы. Причем создать условия не по минимуму и не «в среднем», а на максимально возможном высоком уровне. Разумеется, никто не предлагает открыть в каждом районе по Большому театру. Но можно комплексно благоустроить каждый район и обеспечить его жителей всеми городскими услугами.

ФЕСТИВАЛЬ

В эпоху перемен

В Екатеринбурге состоялся XXX Открытый фестиваль документального кино «Россия»

Основанный на закате перестройки форум кинодокументалистов пережил вместе со страной, российским кинематографом и Свердловской киностудией очень разные годы. И надежд, и разочарований, и побед. На открытии фестиваля была продемонстрирована весьма подходящая к его тридцатилетнему юбилею документальная комедия Алексея Федорченко «Кино эпохи перемен».

Режиссёр, который прославился игровым фильмом «Война Анны», начал как документалист, а ещё раньше работал на Свердловской киностудии экономистом и заместителем директора. Фильм с юмором (подчас горьким) повествует о том, как в 90-е замечательная киностудия, в которой начинали свой творческий путь Владимир Краснопольский, Валерий Усков, Сергей Мирошниченко, Владимир Хотиненко и другие выдающиеся деятели кино, выживала, сопротивляясь попыткам рейдерских захватов. В столице Урала в то лихое время обстановка была куда круче, чем в «бандитском Петербурге». Федорченко в торговом центре, который расположился в бывших помещениях киностудии, разговаривает с её тогдашним руководителем Георгием Негашевым (теперь он директор фестиваля «Россия»), а тогда вынужден был общаться с криминальной публикой, но, отдав часть территории, отстоять студию удалось, а также с нынешним участниками этой драмы с элементами гротеска... Получилась, да, комедия, но уж очень грустная, тем более что Свердловская киностудия, вернее, то, что от неё осталось, сейчас находится в очень сложном положении.

Среди представленных на конкурс телевизионных документальных фильмов (председатель жюри профессор ВГИКа Галина Прожико) хотелось бы выделить необычную ленту Дмитрия

Победитель фестиваля режиссёр Алексей Федорченко

Завильгельского «Пропасть. Робот-коллектор», авторский текст в которой читает... Иннокентий Смоктуновский. Его голос смоделировала группа разработчиков «искусственного мозга» во главе с программистом Сергеем Марковым. А работает эта группа на банковскую корпорацию, создавая телефонных роботов, выбивающих кредиты из должников. Дело не очень почтенное, но – и тут моральная дилемма – попутно группа проводит интереснейшие научные изыскания, в результате которых удалось, в частности, воссоздать голос великого артиста.

Очень тронули фильмы, посвящённые так называемым простым людям. Армянская лента «Баина» посвящена крестьянке, которая одна в очень трудных условиях поднимает двоих детей. Необыкновенны здесь не столько суровый быт армянского села и самоотверженный труд женщины, а то, что муж привёз её из Монголии, это – история о большой любви, которая со смертью мужа не кончилась.

Картина Антона Погребного «Дом у реки» – о людях, нашедших своё трудное счастье далеко от больших городов, на реке Вятке, в рыбацкой артели. И всё было бы хорошо, да вот беда – законы у нас слишком гуманные к браконьерам, которые безнаказанно вылавливают рыбу во время нереста. И потому её с каждым годом всё меньше.

Диплома фестиваля удостоена лента «Солдаты спорта», которая была посвящена советским спортсменам, участвовавшим в Олимпиаде 1952 года, первой для СССР. Многие из олимпийцев были фронтовиками, победители в войне победили и в спорте, к военным орденам прибавились олимпийские медали. К сожалению, жюри не отметило ленту о самоотверженных фронтовых операторах «Экспозиция войны». Именно благодаря им появились видеосвидетельства страданий мирного населения и подвига солдат. Документальные фильмы военных лет, снятые на полях сражений в СССР, буквально потрясли мир, он узнал о злодеяниях

нацистов и о мужестве наших воинов. Это было крайне важно для поддержки антигитлеровской коалиции.

Лучшим среди телевизионных признан фильм Олеси Фокиной «Fermata». В названии ленты музыкальный термин, обозначающий увеличение длительности ноты, а посвящена она великому музыканту – Владимиру Минину, которому недавно исполнилось 90 лет. В ленте предстала в полный рост могучая, сложная, многогранная фигура организатора и художественного руководителя Московского государственного академического камерного хора. Награждён был и фильм Павла Селина «Юра-музыкант», в котором речь шла о другом известном человеке. Мы увидели и услышали Юрия Шевчука на концертах, в дороге и дома, в сущности, это исповедь рок-музыканта – его, одного из немногих, по страсти, искренности и самоотдаче можно сравнить с Владимиром Высоцким.

Жюри документальных фильмов, которое возглавлял писатель Юрий Поляков, смотрело ленты режиссёров, не ограничивающих себя телевизионными форматами. Победил здесь фильм Валерия Тимошенко о командире луганских ополченцев Алексее Мозговом «Комбриг». Отмечены были «Полёт чемпиона» Сергея Головецкого (об Игоре Тер-Ованесяне), «Обстоятельства места и времени» Дмитрия Кабакова, «Необратимая химия» Джульетты Мартиросян (лучший дебют) а также «Реанимация», «Не уходи отсюда» (за операторское мастерство), белорусский фильм «Вядо», киргизский «Учитель» и грузинский «Прозрачный мир».

А главный приз фестиваля по решению двух жюри присуждён ленте Алексея Федорченко «Кино эпохи перемен».

Александр Кондрашов,
Екатеринбург–Москва

Продолжение темы в следующем номере

ПРЕМЬЕРА

Агент 00...

Появился ещё один «Герой» в исполнении Александра Петрова

Всё у этого фильма перво-классно. И режиссёр Карен Оганесян, которого совсем недавно хвалили и награждали за отличный сериал «Медное солнце», и автор сценария Николай Куликов, который был родителем мощных, духоподъёмных и рекордно успешных «Экипажа» и «Движения вверх»...

...и артисты, известней которых не сыскать. В главных ролях здесь звёзды первой величины: Светлана Ходченкова, Владимир Машков и Константин Лавроненко, а в заглавной – самый популярный ныне актёр России Александр Петров, незаметно потеснивший суперзвезду последнего десятилетия Данилу Козловского.

Да, кино жанровое, приключенческое (драки, перестрелки, погони, любовь, предательство), к боевику нельзя подходить с мерками русского психологического театра, но почему он показался каким-то невсамделишным? Началось всё очень хорошо, непредсказуемо, лихо – наше знакомство с молодыми героями, которых правильнее было бы назвать супергероями, произошло стремительно, одновременно с погружением в очень прихотливые, но созвучные времени предлагаемые обстоятельства. Разведшкола, готовившая с юных лет преданных Родине агентов, расселила их по всему миру, ныне они «спят» в разных странах и ждут команды из Центра, чтобы выполнить любое задание. Но среди них

завёлся предатель, да не простой, а коварный и крайне опасный. Некий иностранный мультимиллиардер поставил перед ним задачу переподчинить сеть ему, чтобы с помощью этих суперагентов контролировать весь мир.

Дух захватывает, наконец-то у нас появился боевик, сравнимый с лучшими западными образцами? Но вот беда, в какой-то момент вера в изложенные предлагаемые обстоятельства пожухла. Лихой боевик споткнулся о любовь. Светлана Ходченкова здесь – и в этом не возникает никаких сомнений – умопомрачительная красавица и отважная воительница, герой Александра Петрова тоже храбр, но его герой в сравнении с возлюбленной как кролик с пан-

Александр Петров и Светлана Ходченкова

герой. Не верится, что этот невзрачный парнишка может завоевать сердце такой ослепительной и могучей Артемиды. А о каких-то особых качествах его, как воина, который в любовных битвах непревзойдённый Ахиллес, нам не сообщают.

И с той поры, как в действие ворвались любовные мотивы, и чем большую роль они стали играть, тем меньше было доверия к фильму. Как будто нам предложили сыграть в поддавки. Ошибка в распределении ролей? Боюсь, что она будет иметь большое значение в карьере Алек-

сандра Петрова. В социальных сетях по поводу него шутят, что, в отличие от американского актёра Кристиана Бэйла, которому для роли надо поправиться или похудеть на 30 кг, и он это делает, нашему Александру достаточно только переодеться, дескать, он всюду одинаковый. Не соглашусь, он разный, но уж слишком много и часто снимается – трудно каждый раз быть новым и убедительным.

В этом жанровом кино всё вроде на месте, однако русского агента 007 не получилось, жаль.

Александр Иванов

Фронтальная молодость

Дорогу на Берлин закладывали под Ленинградом

Алексей Михайлович Крюков (1914–2003) 15 лет возглавлял железнодорожные войска Министерства обороны СССР. Было это в годы напряжённого и масштабного строительства железных дорог, в 1968–1983 гг. Но молодость генерал-полковника пришлась на предвоенное и военное время. И не было в его жизни более важного времени, чем четыре военных года.

А много и быть не могло, ведь Алексей Михайлович был не наёмником, а родным сыном своей страны и железнодорожное поприще считал служением народу. Не больше и не меньше. Громкие слова? Но они соответствовали духу времени, и без них правду о той эпохе не расскажешь.

В первые дни войны Крюков – командир железнодорожного батальона. Он сражался в составе 71-го отдельного батальона 4-й железнодорожной бригады особого железнодорожного корпуса 6-й армии Западного фронта. Был там, где приходилось отступать, а зачастую – цепляться за каждый полустанок. Они действительно были и войнами, и железнодорожными строителями. Держали оборону, прикрывали отступавшие части. В первые месяцы войны им приходилось гораздо больше взрывать, чем строить. Подчас они уничтожали то, что сами только недавно возводили. Крюков проявил себя как волевой, изобретательный командир. Поразительна его трудоспособность. Работать доводилось не только без выходных, но и без ночного отдыха. На износ. Без малейшего снисхождения к собственному здоровью.

В 1941 году судьба войны, судьба страны во многом решалась в Волхове и Тихвине, на подступах к Ленинграду. Гитлеровцы угрожали нашей второй столице

вторым кольцом блокады. Это означало бы смерть великого города. Когда немцев выбили из Тихвина, Крюков получил приказ восстановить железнодорожную линию Тихвин – Волховстрой. Этот 70-километровый участок превратился в руины. Немцы взорвали рельсы, стрелочные переводы, мосты, линию связи... «Опыта скоростного восстановления не было, строительные материалы приходилось изыскивать на месте, отсутствовала необходимая техника. Но каждый боец и командир понимал, что означает для Ленинграда скорейшее открытие движения по этой дороге», – вспоминал Крюков.

Самой сложной задачей оказалось восстановление моста через реку Сясь. Смонтировать столь сложную конструкцию в краткие сроки – это казалось задачей фантастической. Надо ли пояснить, что строить следовало надёжно – чтобы не посрамить репутацию воинов-железнодорожников. Этот чрезвычайный объект Крюков вспоминал до конца своих дней. Вспоминал смекалку и смелость инженеров и бойцов:

«Восстановители, руководимые П.И. Богомоловым, нашли тогда наиболее выгодное техническое решение. Оно осуществлялось путём поднятия разрушенного 64-метрового металлического пролётного строения и подведения под него двух рамно-ряжевых опор. Разрушенную часть пролётного строения вырезали и вместо неё поставили металлические балки. Мост не задержал темпов восстановления всей железнодорожной линии». Сказано скромно: «Не задержал темпов». Но именно от такого умения выполнить поставленную задачу в экстремальных условиях на войне зависело всё.

В конце войны Крюков был назначен командиром 2-го отдельного восстановительного железнодорожного баталь-

она 11-й железнодорожной бригады. Он приехал на берег туманного озера Балатон, а затем – в Будапешт. Там, в Венгрии, шли напряжённые бои. Немцы обрушили в Дунай огромный железнодорожный мост. И снова уникальную задачу пришлось выполнять спешно, без сна и отдыха. Чтобы армия шла вперёд без промедления, освобождая Европу.

Крюков гордился, что за годы войны воины-железнодорожники восстановили и построили около 120 тысяч километров главных, вторых и станционных путей, 13 022 малых моста и труб, 2756 больших и средних мостов, проложили 70 872 километра линий связи, ввели в строй 2345 пунктов водоснабжения, 182 паровозных депо и 7990 станций и разъездов, уложили 76 984 комплекта стрелочных переводов, уничтожили более 2 миллионов мин и фугасов, построили, совместно с гражданскими строителями, 10 тысяч километров новых линий. И после такой проверки на прочность их ожидала не передышка, а новые – мирные – бои. Нужно было восстанавливать страну, по которой дважды – сначала с запада на восток, а потом в обратную сторону – прошёлся каток войны.

Фронтальная закалка отличала его всегда. Алексей Михайлович не считался со старостью, он и в XXI веке отстаивал свою правду, пресекая попытки очернить подвиг советского народа в Великой Отечественной, подвиг воинов-железнодорожников. И нам не к лицу забывать те героические дни, когда на первых перегонах войны, в огне и крови, сквозь череду поражений начиналась дорога на Берлин.

Арсений Замостьянов, заместитель главного редактора журнала «Историк»

“
В первые месяцы войны им приходилось гораздо больше взрывать, чем строить. Подчас они уничтожали то, что сами только недавно возводили.

“

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛА

Не забыть подвига 21-го железнодорожного батальона, которым командовал майор Г.Г. Банаян. Война застала их на полуострове Ханко. Пришлось строить не только железную дорогу, но и укрепления, огневые точки. Пять месяцев они держали оборону в окружении, под непрерывным огнём с воздуха, с суши и с моря. С ними плечом к плечу держали оборону и стрелковые части, и артиллеристы, и бойцы пограничного отряда НКВД. Атаковали эту базу Красной армии главным образом финские части. Барон Густав Маннергейм направил защитникам Ханко письмо, в котором восхищался их героизмом и призывал советских воинов сдаваться в плен. Ответ защитников Ханко распространяли в тысячах листовок, которые разбрасывали над оккупированной территорией. Эти слова прозвучали не хуже послания запорожцев турец-

кому султану: «Его высочеству прихвостню хвоста её светлости кобылы императора Николая, сиятельному палачу финского народа, светлейшей обершлюхе берлинского двора, кавалеру бриллиантового, железного и соснового креста... Намедни соизволил ты удостоить нас великой чести пригласить к себе в плен. В своём обращении вместо обычной брани ты даже льстиво назвал нас доблестными и героическими защитниками Ханко.

Хитро загнул, старче!.. Короток наш разговор. Сунешься с моря – ответим морем свинца! Сунешься с земли – взлетишь на воздух! Сунешься с воздуха – вгоним в землю!..»

Большинство бойцов 21-го желдорбата погибли, но враг не увидел их сломленными, не прорвался на неприступный полуостров.

Когда бойцы, включая железнодорожников, получили

Защитники полуострова Ханко готовят орудия к бою

приказ эвакуироваться из крепости – батальон разрушил железнодорожный путь и укрепления, сбросил в залив весь подвижной

железнодорожный состав. Многие из выживших героев Ханко потом сражались и трудились в Ленинграде до последних дней блока-

ды, до последнего часа войны. Право, мы вспоминаем подвиг героев обороны Ханко гораздо реже, чем они заслуживают.

10 лет

высоких скоростей

- Свыше 30 рейсов в сутки между Москвой, Санкт-Петербургом, Тверью, Владимиром, Нижним Новгородом и другими городами;
- 20 современных высокоскоростных поездов, построенных специально для России;
- Рекорд Гиннеса - сдвоенный поезд «Сапсан» признан самым длинным высокоскоростным поездом в мире - 500 метров 78 сантиметров;
- Регулярное скоростное сообщение между Санкт-Петербургом и Хельсинки поездом «Аллегро»;
- Десятки поездов «Ласточка» на внутригородских, пригородных и межрегиональных маршрутах от Калининграда до Екатеринбурга;
- 40 миллионов пассажиров за 10 лет.

Александр Вулых
Администратор

ГИГАНТ МЫСЛИ

Однострочия

Из ветвей власти даже веника не сделать.

Глубокое декольте опасней Марианской впадины.

Дети, чем дальше от тебя живут, тем ближе.

Жаль, что в алфавите нет буквы закона.

Если не можешь сколотить свой капитал, попытайся распилить чужой.

«Цветные» революции совершаются дальтониками.

Если мнения расходятся, то какое из них должно платить алименты?

Скоро двойные стандарты будут в формате 3D.

Евгений Минин

ПРИ НАЛИЧИИ ОТСУТСТВИЯ

Пропала собака

Поэзии большой вопрос в неочевидности ответа... стена... листок, весь в кляксах слёз, опять пропала сука где-то.

Пропала... плачет детский хор, солист заламывает руки, прошло полжизни... что забор – листки висят, уходят суки.

Уходят на ночь и с утра, не разбирая, наудачу, дожди текут, снуют ветра, листки трясутся, буквы плачут.

Стихов нервический восторг, нагрузка смысловая тризне... стена... на ней висит листок – пропала сука – проза жизни.

Почил наш Фрейд – старик Толстой, но всё рождаются поэты... стена... висит листок простой, и детский почерк: сука! где ты?

Олег Мисковец

ЛЁД ТРОНУЛСЯ

Летающий верблюд

В отпуск на долгожданное море Липкин решил лететь новым лоукостером «Flying Camel» – их соблазнительный слоган «Дешевле только пешком!» безостановочно крутился по всем теле- и радиоканалам с начала сезона.

Цена действительно приятно удивила. Но ещё больше убедили в правильности принятого решения то, с какой скоростью исчезали билеты. Сэкономить захотели многие.

В очереди к стойке регистрации то и дело слышалось, как более просвещённые пассажиры пугали новичков, не знакомых с особенностями дешёвых авиaperевозок:

– Не, ваш рюкзак точно не пропустят. Калибровочный ящик там маленький, у вас лямки свисать будут. А свисать нельзя. Это же лоукостер! Дёшево, но строго. Так что доплачивать придётся.

Липкин к ограничениям по габаритам ручной клади был готов, поэтому с удовлетворением поглядывал на свою маленькую торбочку с плавками и пляжными тапками.

Зато волновалась стоящая прямо перед ним пышногрудая блондинка. Она прижимала к себе крошечную собачонку и шептала ей в мохнатое ухо:

– Никому тебя не отдам, моё золотце, никому!

Косящимся на неё из очереди блондинка торопливо поясняла:

– Эту породу в самолёт можно, мне подтвердили! Можно!

Но чем ближе она подходила к стойке, тем больше напрягалось её лицо, а руки всё сильнее вжимали собачку в декольте. Наконец настала её очередь.

– Чихухау можно! Я выяснила! Это чихухау! – затараторила блондинка, но её прервал властный окрик:

– Не хухау тут! Собаку в сторону отодвиньте!

Служащий авиакомпании вперил в её бюст немигающий профессиональный взгляд:

– Так, пятый номер. А калибровочная норма установлена по третьей включительно. Всё, что больше чашки С, идёт с доплатой.

– Это С! Это третий! Это вырез платья даёт увеличивающий эффект!

– Доплачивать на соседней стойке, – отрезал бездушный сотрудник. – Не задерживайте очередь, женщина!

Внутри самолёт «Flying Camel» ничем не отличался от обычного, разве что ряды стояли потеснее да кресла назад не отклонялись. Липкин сделал попытку откинуть столик, но тот держался мёртво.

– Не откроется, и не пытайтесь – питание-то у них не предусмотрено! – сосед зашуршал каким-то свёртком. – Но мы с женой из дома прихватили по бутерброду, будет чем перекусить!

Запахло колбасой, и у кресла немедленно возник бортпроводник.

– Питание на борту только после доплаты.

– Да это своё, из дома. Читали уж, что у вас тут не кормят, – хохотнул сосед.

– Объясню ещё раз, гражданин: своё не своё, а питание только после доплаты. Доплачивайте и ешьте сколько хотите.

Сзади мать инструктировала ребёнка:

– Туалет здесь дорогой, так что терпи, не маленький уже. Если что – вот памперс.

Наконец все расселись, успокоились, и самолёт взлетел. Под ровный гул моторов Липкин задремал. Его разбудил приятный голос:

– Бесплатно! Бесплатно! Журнал нашей авиакомпании! Бесплатное чтение до конца полёта!

Между рядов плыла стюардесса, раздавая желающим журналы. На обложке обольстительно улыбался красавец восточного вида. Это был портрет президента авиакомпании, и Липкин подумал, что он ему

смутно напоминает кого-то. Но кого? Певца? Киноактёра?

К концу третьего часа у Липкина затекли ноги, но самолёт уже начал снижаться. В иллюминаторе поблёскивало море – сосед доплатил за возможность лететь с открытой шторкой, и Липкину тоже был виден синий краешек. Сердце застучало чаще, все волнения были забыты. «Говорят, море внизу! Море!» – пронеслось по салону. Пассажиры заулыбались, оглядываясь на своих.

Пилот посадил самолёт мастерски. Раздали дружные аплодисменты. Прилетели!

В очереди на выход Липкин оказался одним из первых, и снова прямо за грудастой блондинкой. Она теперь держалась уверенно и нетерпеливо хмурила брови, поглядывая на стюардесс – дверь всё никак не открывали. Липкин тоже посмотрел в ту сторону, взгляд его упал на стопку журналов – и вдруг он вспомнил, где видел похожее лицо. В Египте! У пирамид! «Покататься на верблюде – всего десять долларов!» – зывал араб с кинематографической внешностью. Ага, а слезать с этого чёртова верблюда пришлось за сотню...

Страшное предчувствие ещё не успело оформиться в липкинском мозгу, как из динамика раздался приветливый голос:

– Уважаемые пассажиры, говорит командир корабля. От имени всего экипажа благодарю вас за выбор авиакомпании «Flying Camel» и прошу приготовить доплату за высадку из самолёта.

Блондинка с чихухау рухнула без чувств прямо на Липкина, и последнее, что он услышал, был протестующий собачий визг.

Елена Албул

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Тема освоения космоса в последние годы весьма востребована российским и американским кинематографом. Александр Кондрашов, побывавший недавно в Екатеринбурге на фестивале «Россия», не мог не поговорить о «космическом кино» с российским астронавтом Сергеем Прокопьевым, который тоже был членом жюри фестиваля.

Исполняется 125 лет со дня рождения Юрия Тынянова. Имя этого яркого представителя «формальной школы» тесно связано в нашем сознании с Пушкиным. Исследованию жизни и творчества великого поэта Юрий Николаевич посвятил множество статей и свой самый грандиозный роман, так и оставшийся незаконченным...

«Я считаю Елену Образцову одной из величайших фигур в мире оперы, сделавших этот вид искусства столь популярным в современной культуре». Эти слова недавно ушедшего от нас Франко Дзеффелли – на обложке книги «Елена Образцова. Любовь и музыка неразделимы», которую через неделю представит «ЛГ».

ДАВАЙТЕ ПОЧИТАЕМ!

Многоязыкая лира России

Проект «Многоязыкая лира России» осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. В этом выпуске представлены поэзия и проза Клуба писателей Кавказа.

ДАТА

С литературой надо считаться

Клубу писателей Кавказа – 10 лет

Межрегиональная общественная организация «Клуб писателей Кавказа» была создана 10 лет назад по инициативе отдельных писателей тогда ещё Южного федерального округа (ЮФО), обеспокоенных разобщённостью народов Юга России, исчезновением практически даже на уровне сознания бывлой дружбы и братских отношений. Писатели, понимающие, как важно сохранение и укрепление этих отношений, вдруг заметили, что и литература, и литераторы остаются не у дел в сложившейся ситуации. Советский лозунг «Дружба писателей – дружба литераторов, дружба литераторов – дружба народов» когда-то прекрасно работал. Необходимость восстановления действенности этого лозунга и использования писательской общественности в улучшении межнациональных отношений в сегодняшней России очевидна. Взаимные переводы с языков народов Кавказа, да и всего мира, поездки друг к другу, знание литератур и культур друг друга – лучшего нельзя и придумать для укрепления братских отношений. Учредители Клуба ставили перед собой именно эти цели.

Наш Клуб официально зарегистрирован в феврале 2009 года. И что же нам удалось сделать за эти годы по выполнению наших уставных задач?

Созданы отделения Клуба – в Чеченской Республике, Дагестане, Карачаево-Черкесии, Калмыкии, Кабардино-Балкарии. Членами нашего Клуба являются три писателя из Армении, один – из Азербайджана. Армянское отделение возглавляет Елена Петросян. Нами заключён договор о сотрудничестве с Союзом писателей Республики Беларусь и издательским домом «Звезда». На сегодня результатом нашего сотрудничества является издание в переводе на балкарский язык малой антологии белорусской литературы, издание такой же книги в переводе на чеченский язык замечательным поэтом Адамом Ахматукаевым, возглавляющим ныне чеченское отделение Клуба. Кстати сказать, именно он и член нашего Клуба, замечательный публицист, член Общественной палаты Дагестана Керимхан Умаханов, принимавший активное участие в праздновании 500-летия белорусского книгопечатания, с разрешения руководства Клуба заключили упомянутый мной договор о сотрудничестве. Фактически Клуб принимает участие во всех важных мероприятиях культурного значения, проводящихся в Беларуси. Мы благодарны министру информации Республики Беларусь Александру Карлюкевичу и первому заместителю правления Союза писателей Беларуси Еле-

Учредительное собрание Клуба писателей Кавказа (Нальчик, 2009). Выступает Салих Гуртуев, справа – нынешний президент Клуба народный писатель Чеченской Республики Муса Ахмадов, за ним – доктор филологических наук Мадина Хакуашева, слева – главный редактор черкесской газеты Увжукко Тхагапсов.

не Стельмах за заинтересованное отношение к столь тесному сотрудничеству между нами.

Собственно, Клуб писателей Кавказа и создавался как общественная организация поэтов и прозаиков для творческого сотрудничества, пропаганды достижений национальных культур и литераторов в целях укрепления взаимопонимания между народами. Ныне Клуб превратился в крупную межрегиональную творческую общественную организацию, объединившую около полусотни писателей и других работников культуры Северного Кавказа и Закавказья. Появилось своё печатное издание – газета «Литературный Кавказ», учреждена своя литературная премия. Заметно расширились и горизонты деятельности Клуба. Сейчас это не только творческая, но и авторитетная миротворческая организация на юге страны, которая посредством культурного диалога способствует укреплению взаимопонимания между народами, сохранению мира в многонациональном кавказском регионе. И это очень важно, если учесть нестабильность и напряжённость в современном мире. Надо отметить, что такая работа осуществляется лишь благодаря энтузиазму и доброй воле творческих людей, которые верят в лучшее, творят, невзирая ни на какие трудности жизни. Миясат Муслимова – поэтесса, руководитель дагестанского отделения Клуба, члены Клуба Магомед Насрулаев, упомянутый выше Керимхан Умаханов из Дагестана, чеченский поэт Адам Ахматукаев, о котором тоже сказано выше, бывший вице-президент, с чьей подачи взялись за создание

Клуба, ныне президент Клуба, главный редактор чеченского русскоязычного литературного журнала «Вайнах» Муса Ахмадов, активные члены Клуба Лидия Довлетгиреева, Сулиман Мусаев, Алауди Мусаев, доктор филологических наук из Азербайджана Гафар Гусейнов, поэтесса из Краснодара Ирина Коваленко, руководитель калмыцкого отделения Клуба, народный поэт Калмыкии Эрдни Эльдышев своей деятельностью способствуют объединению ярких творческих представителей проживающих здесь народов, направляют деятельность Клуба на возрождение и развитие духовной основы многовекового мирного сосуществования и взаимоуважения народов Кавказа.

Это и есть по большому счёту работа по укреплению единения Юга России.

Интересный факт: калмыцкие писатели не были участниками создания Клуба, но как только узнали о его существовании, тут же начали работу по открытию отделения в своей республике. И, как я уже сказал, они остались в нашем Клубе, хотя административно республика входит в состав Южного федерального округа. Его возглавляет Эрдни Эльдышев – народный поэт Калмыкии, председатель Союза калмыцких писателей. Он серьёзно взялся за претворение в жизнь одной из наших главных задач – публикации переводов писателей Кавказа на калмыцком языке в журнале, редактором которого является. Издал большой том переводов на калмыцкий язык произведений народов мира. На балкарском языке издаёт отдельными книгами произведения трёх дагестанских народов – аварского,

кумыкского, лакского, чеченских, ингушских, калмыцких, грузинских писателей. Переведены на балкарский также «Евгений Онегин» Пушкина, «Витязь в тигровой шкуре» Руставели, поэма Важа Пшавелы «Гость и хозяин», поэма Акакия Церетели «Воспитатель», поэма Наапета Кучака «Сто один айрен», большой том кабардинской поэзии.

Кстати сказать, поэмы Важа Пшавелы и Акакия Церетели переведены членами Клуба на аварский, кумыкский, лезгинский, калмыцкий языки.

Или же возьмите любой выпуск журнала «Вайнах», и вы увидите, что по номерам этого журнала можно изучать географию всего Кавказа. Приятно удивляет и то, что и журнал для женщин «Нана», и журнал «Орга» (выходящие на чеченском языке) тоже следуют этому принципу.

Совсем недавно наша очень лёгкая на подъём Миясат Муслимова побывала в Турции на презентации новой книги бывшего руководителя Дагестанского отделения Клуба, ныне покойного, Бадрутдина Магомедова.

Когда начинаешь говорить о Клубе с писателями, иногда сразу же задают вопрос, дескать, а что это даст мне. Резонно. Но наш Клуб создан неравнодушными к происходящим событиям в межнациональных отношениях, особенно на Кавказе, желающими задействовать литературу как средство для исправления этого положения, и его первейшая задача – внести свою лепту в сближение народов Кавказа и всего Юга России, используя возможности литературы. И, вступая в члены Клуба, прежде всего каждому надо исходить из одного посыла: писатель не может и не должен оставаться в стороне, когда между будущими героями его произведений разгорается вражда. Дело литературы – находить пути, которые в художественных образах глубоко раскрывали бы пагубность этой вражды. И если писатель понимает, что своими произведениями он влияет на общество, он не может думать только о выгоде членства в Клубе. Гораздо важнее личной выгоды стабильность на Кавказе, уверенность в будущем своего народа, своих детей, значительное расширение знаний о жизни другого народа, которое за последние несколько десятилетий истончилось до толщины газетной бумаги. Своими произведениями мы открыто выражаем желание помочь улучшению межнационального климата у нас на Кавказе, а это и есть вклад в укрепление стабильности на Юге России, тем самым и всей нашей единой Отчизны – России. Материалы, которые публикуются, оплачиваются журналами и газетами. И это тоже немаловажно.

Окончание на стр. 3

Припомни, поднимаясь ввысь,

**Эрдни
Зельдышев,**
Калмыкия**Седой журавль**

Не торопись, журавль седой,
Направить прочь крыла.
Ведь эта степь тебе бедой
И радостью была.

Мы не искали грешных благ,
И на родной земле
Ещё горит наш жёлтый флаг
В промозглой лютой мгле.

И веру, что была судьбой,
У нас забрать не смей.
Мы за неё ходили в бой
И умирали с ней.

Не торопись, журавль седой,
В заморский тёплый край.
Душа не станет молодой,
В чужой поверив рай.

Степным бурханам помолись
За Родину и нас.
Припомни, поднимаясь ввысь,
Свой сокровенный час.

Не торопись и не спеши...
Печаль и грусть развей.
Твой громкий крик не заглушит
Зов Родины твоей.

Перевод с калмыцкого Евгения Семичева**Адам
Ахматукаев,**
Чечня**Сын и мать**

Судьбою сына в город унесло,
Глаза не кажет в горное село,
Где извелась в пустой надежде мать:
Неужто не вернётся сын опять?

Давно уже единственный, родной
Идёт по жизни стёжкой иной.
И ничего для сына – вот беда –
Милее нету нового гнезда.

Истосковалась, истомилась мать,
Но сына продолжает защищать.
Когда летит в него укоров град,
Твердит она, что сын не виноват.

Судьбою сына в город унесло,
Глаза не кажет в горное село.
Так тяжёлый путь ему в родимый дом!
А мать, могла б –
пошла б к нему пешком...

Но возвращает бедную назад
Стул, где лекарства горкою лежат
И караулят скорбную кровать,
Которой скоро смертным ложем стать...

Судьбою сына в город унесло.
Теряет мать последнее тепло.
На кладбище чужие понесут.
Да будет справедлив Аллаха суд!

Перевод Юрия Щербакова**Мурадин
Ольмезов,**
Кабардино-
Балкария**Тень**

Тень моя,
что при мне была неотлучно,
за то, что я не давал
одной ей и шагу ступить,
вдруг на меня осерчала –
взяла да ушла.

Если заметите вы
одинокую бредущую тень,
ей передайте:
прощенья прошу,
что долго её обижал,
жду, чтоб вернулась назад.

Выйти из дома теперь
ночью только и можно
или в самую хмарь.

Вы же, без тени увидев меня,
сразу святым назовёте,
а я обманщиком быть не хочу.

Или, что хуже,
полиции в руки попасть.
Тут же возьмут под арест:
инопланетный
шпион.

Потом объясняй им,
с паспортом в руках,
что ты гражданин РФ
и живёшь по адресу:
360000, КБР, г. Нальчик,
и что ты писатель,
автор 20 книг,
и что тебя читают
даже во Франции.

Эй, люди добрые!
Тень помогите найти!
Кто я без тени,
что?

**Абу
Исмаилов,**
Чечня**Предчувствие**

Я увидел, как крушились горы.
Я услышал, как рыдал Старик.
Заглушив пустые разговоры,
Совести раздался тихий крик.

Тот февраль, жестокий и холодный,
Вышибить его слезу не смог.
В сердце том, железном, кто сегодня
Растопил слезящийся комок?

Молится седой Старик и плачет,
К мудрости взывая тех и тех:
– Помните Аллаха, а иначе
Гнев его обрушится на всех!

Пусть исчезнут
ложь, обман, притворство,
Славословье, раболепство, лесть!
Пусть всегда горят в душе у горца
Имя Бога, Родины и честь!

Дай нам вырваться из волчьей пасти!
Остуди холодной струёй
Тех, кто вверх карабкается к власти,
Тех, кто уже катится с неё!

В августовском небе тучи тают,
Открывая нам мерцанье звёзд.
Кто не слышал, как Земля рыдает?
Кто не видел стариковских слёз?

Это плачет не старик-чеченец –
Сердце начинает понимать –
Плачет не родившийся младенец,
Сына не дождавшаяся Мать.

Обо всём Аллах предупреждает:
В темноте предгрозовой Ночи
Для глухого Молния сверкает,
Для слепого в небе Гром гремит.

Я увидел, как крушились горы.
Я услышал, как рыдал Старик.
Заглушив пустые разговоры,
Совести раздался тихий крик.

**Магомед
Насрулаев,**
Дагестан**Родина**

Родины моей цветы –
Краше на планете нет.
Преисполнен доброты
Праведный её рассвет!
Родина моя всегда,
Хоть вокруг меня темно,
Путеводная звезда,
Озарённое окно.
Родины моей венец –
Краше на планете нет.
Я пожизненный певец
Золотых её побед.
Детства и любви мотив –
Эхо правды и тепла,
Потрудись, покуда жив,
Чтобы Родина цвела!

**Майсарат
Магомедова,**
Дагестан**Дочери**

Не печалься, дочка, коль тебя
Неудача нынче зло гнетёт.
Счёт один победам и скорбям –
В мире всё течёт и всё пройдёт.

Мир прекрасен –
в нём ты жить спеши,
Умножая свет своей души.
И не думай о грядущем и былом,
А сегодняшним живи, родная, днём.

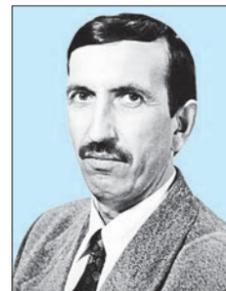
Не грусти, прошу, молю тебя,
Будь всегда весёлой, жизнь любя,
Все твои печали мне отдай –
Я привыкла к боли, так и знай.

Неизвестно, что в судьбе грядёт,
Быть может, рок ещё сильнее побьёт.
Ты живи, судьбину не кляня,
Чтоб страдать умела – без меня.

**Миясат
Муслимова,**
Дагестан**Я есть**

И думалось: истрёпаны слова,
и нечем чудо выразить в наш век.
Привычно всё: зелёная трава,
осенний дождь, и неба синева,
и море за окном, и первый снег...

И первый снег? Так вот он, за окном!
Летит с небес и кружит мотыльком,
И вьётся у ресниц, как белый овод,
Метёт, метёт, и в белом тонет город.
Где серость зданий, улиц маета?
И шум авто, и рытвины в асфальте?
Всё начинаем с чистого листа
Под снежный бал Антонио Вивальди.
И белый снег с небес – благая весть:
«Я есть!»
Как будто сброшен тягостный покров
И было всем души своей явленье.
О, как прекрасно может быть смятенье,
Рождённое явлением снегов...

**Энвер
Хохоев,**
PCO – Алания**Монолог горного родника***У кого не болит, тот и не стонет.
Народная мудрость*

Моё каменное сердце тихо стонет.
Не ведут ко мне на зов гармонии

По весёлой, по заветной по тропинке
Молодую, словно утро, осетинку.

Знает сердце: моё горе безысходно –
Не танцуют, не играют больше «Хонгэ»*,

Не топчут сапожками бережок...
В памяти нашей – ты наш Мастинок!**

Песни счастья и любви давно забыты.
Из аула поразъехались джигиты,

Отзвенели серебристой уздечкой,
Злато просо откидали возле речки,

Не лелеет всходы счастья спозаранку
Чернобровая красавица-горянка.

Сколько боли в моём сердце,
ты послушай:
Неужели не придут ко мне старушки

В светлы воды погрузить усталый взгляд,
Вспомнить древний свадебный обряд?!

Здесь и слёзы не прольёт свои вдова,
Лишь лягушки прокричат вослед
«ква-ква»,

Если их случайно потревожит
Путник, заблуждаясь в бездорожье!..

* «Хонгэ» – название старинного плавного осетинского танца.

** Мастинок (Мжстинокж) – название селения (аула) в Дигорском ущелье Республики Северная Осетия – Алания.

Перевод Маргариты Ногтевой

СВОЙ СОКРОВЕННЫЙ ЧАС

Алла Чотчаева,
Ставропольский край

В осеннем парке листья жгут,
горят твои следы.
Там листья жгут,
там счастья ждут,
плотая горький дым.

Кто виноват, что со двора,
судьбу наворожив,
нас унесли с тобой ветра,
по свету закружив?

В осеннем парке листья жгут,
он в синей дымке весь.
Там листья жгут,
там счастья ждут,
как будто счастье есть.

Бияля Аппаев,
Карачаево-Черкесия

Шумные улицы будто уснули
Шумные улицы будто уснули,
Смех и веселье совсем не слышны.
И телевизоры в нашем ауле
Будут до времени отключены.

Нынче хоронят у нас ветерана,
Горько подумать — его с нами нет!
Ночью открылась смертельная рана:
В теле осколок сидел сорок лет...

Кто же из нас застрахован от смерти?
В нашей ли власти закон бытия?
Только в такие минуты, поверьте,
Доводы эти бессильны, друзья!

Знаем, что нету надёжней опоры,
Чем испытавший войну ветеран.
Так защитят нас могучие горы
И не пропустят лихой ураган.

Яркой зарницею жизнь промелькнула,
И ветеран завершил свой поход.
Кажется, счастье уйдёт из аула
В час, когда воин последний уйдёт!

Перевод Бориса Сиротина

Елена Шувалева-Петросян,
Армения

Карсская¹ сура

Если бы по воле Божьей
я родилась в твоём старом
и пыльном городке,
на улицах которого продают
поношенную обувь
и чистильщики до блеска
натирают ботинки
важным в своей усатости эфенди,
то любила бы тебя
до скончания века,
зная твой нрав и уважая традиции.

Я бы укротила в себе
казачью лихость
и цыганскую вольность,
как ты примирил две крови —
армянскую и тюркскую,
выкрасив свой дом
армянской кладки
в нелепо жёлтый цвет потерь,
но сохранив маштоцевскую вязь²
деда
на наличнике над дверью.

У закрытого Храма
двенадцати апостолов³,
презрев министерство
религиозных дел,
нас тайно обвенчал бы священник,
облачённый в мусульманский чапай,
в то время,
когда мулла свежеевал барана
и готовил шашлык во славу Аллаха.
И был бы скромн и тих наш стол
на земле неупокоенных душ...

На плечи бронзового Ататюрка⁴,
отлучённого от всех Божьих домов,
гадят птицы мира —
для них нет различий
по национальности
или религии.

Меня никто не называл дождём...
«Мой дождь», — тихо говоришь ты,
поглаживая мою светлую
простоволосую голову
и вспоминая о том,
как давно Божья благодать
не проливалась искристым ливнем,
растягивая дугу радуги,
в твоём пыльном маленьком городке.

Неужели не я буду тебя любить
до скончания века.
Неужели не ко мне
ты будешь идти
по позвонкам и рёбрам
своих предков
среди ковыля Иоанна
с армянской лилией в руках
и со сбивчивой речью
на обветренных губах...
Мертвецам нет возвращения,
как нам невозможно сделать шаг
навстречу друг другу.

В твоём городе никогда
не пойдёт дождь,
а мои иссохшие соски
никогда не будут кормить твоё дитя.
Мы превратимся в молитву
и проклятье,
усмиряя скорбящий дух плотью.
И опрокинутые горы
будут плакать магмой.
И будут плакать Христос
и Мухаммед,
прижавшись друг к другу в храме,
над куполом которого
спорят с небом
Крест и Полумесяц.
И будем бесслёзно плакать мы,
боясь хулы и сокрывая тоску,
по разные стороны границы,
пока Господь не сотрёт всё,
чтобы нарисовать
новую картину мира.

¹ Карс — город в Турции, административный центр ила Карс.

² Месроп Маштоц (361/362–440) — лингвист, создатель армянского алфавита, основоположник армянской литературы и письменности.

³ Храм двенадцати апостолов — древний армянский собор в Карсе (X в.), превращённый позже в мечеть.

⁴ Кемаль Ататюрк (1881–1938) — османский и турецкий реформатор, политик, государственный деятель и военачальник; основатель, первый президент Турецкой Республики.

Ты ушёл

Ты ушёл, и город опустел —
краски жизни вдруг
куда-то делись,
звуки на осколки разлетелись.
Знаю, ты разлуки не хотел.

Ты ушёл, и город опустел —
что-то очень важное, как будто
вдруг во мне уснуло беспробудно.
Знаю, ты печали не хотел.

Ты ушёл, и город опустел,
и меня уже совсем не стало,
словно сердце биться перестало.
Знаю, ты мне боли не хотел.

Ты ушёл, и город опустел —
Знаю, ты мне боли не хотел.

Бадрутдин Магомедов,
Дагестан
(1943–2017)

Осенняя мелодия

В осеннем парке листья жгут,
он в синей дымке весь.
Там листья жгут,
там счастья ждут,
как будто счастье есть.

А счастье выпито до дна
и сожжено дотла.
А ты, как ночь, была темна,
как звездочка светла.

ДАТА

С литературой надо считаться

Окончание. Начало на стр. 1

Вот в Кабардино-Балкарии, например, в балкарском журнале «Минги тау» осуществляется проект «Литература соседа у нас в гостях». В рамках этого проекта на страницах журнала публиковались все произведения упомянутых мной выше авторов.

Всё это хорошо. Но явно недостаточно. Мало просто перевести, нужна ещё и публикация перевода. А потом необходимо найти дорогу к читателям, рассказать об этом народу, как своему, так и тому, с языка которого переводятся произведения. Данный вопрос не терпит келейности. Удачный перевод должен становиться событием общественной жизни и вызывать заметный резонанс. Для этого нужны поездки друг к другу, посещение сёл и городов, живое общение с читателями. В советские времена такие меро-

приятия проводились на государственном уровне с выделением определённых средств. Эта традиция исчезла из нашей жизни, что, безусловно, плохо сказывается на наших взаимоотношениях. Мы практически ничего не знаем о жизни друг друга.

Но кто лучше кавказца может знать Кавказ?..

Помимо всего этого, члены нашего Клуба должны принимать активное участие в культурных мероприятиях, проводимых на местах государственными органами. А для этого надо сделать так, чтобы о существовании нашего Клуба, его отделений знали на местах службы, в обязанности которых входит и связь с общественными объединениями. Об этом мной было сказано в Калмыкии на юбилее Эльдышева в присутствии руководителя администрации главы Республики Калмыкия, об этом же было сказано на юбилее карачаевского поэта

Назира Хубиева в присутствии тогдашнего президента Карачаево-Черкесии Бориса Сафаровича Эбзеева, об этом я рассказываю на всех мероприятиях, проводящихся в нашей республике, в которых я участвую.

Каждый из членов Клуба занимает определённое служебное положение у себя в регионе. У каждого есть свой непосредственный руководитель. Мы понимаем, что каждый из нас пришёл в Клуб только по своему душевному порыву, и руководствоваться в своих действиях нужно тем благородным душевным состоянием, которое предполагает ответственность за всё происходящее в нашей стране. А это в первую очередь положение дел в международных отношениях на Кавказе, состояние изучения родного языка в каждом регионе, сохранение исторических традиций, обычаев, нравственных ценностей каждого народа.

Если мы можем чем-то помочь в данной сфере властным структурам, то на это не надо жалеть ни времени, ни сил. Так мы, пятьдесят человек, и работаем, никаких наград за это не требуя. Хочу закончить юбилейную статью моим стихотворением:

*Я — Земля,
На мне моря и горы,
Реки, травы, рои и леса.
Я держу их в радости и в горе,
Все их краски, все их голоса.*

*От рассвета жизнь идёт к закату,
Беспокойства в мире — через край.
Человек, не делай больно брату
И в обиду брата не давай.*

Перевод с балкарского Игоря Ляпина

Салих Гуртуев,
почётный президент
Клуба писателей Кавказа

Красная юбка

Рассказ

Сулиман Мусаев,
Чечня

Последние тёплые дни осени. Ярко светит солнце, но за лето его силы иссякли, и оно не сильно греет. Под легкие порывы ветра падают листья, уже покрытые жёлтыми и ржавыми пятнами. Некоторые деревья проглядываются насквозь. За ветки цепляются длинные паутинки, иногда можно заметить маленького паучка-путешественника, зацепившегося за тонкую нить.

Анзор присел на деревянную скамейку, устроенную в глубине сада. Это его любимое время года. А запах! Этот ни с чем не сравнимый аромат осени! Где-то уже жгут опавшую листву. Несёт дымком и навеивает мысли о чем-то безвозвратно утерянном, несбывшемся. На всём лежит печать увядания, и остро ощущается бренность существования. Пройдёт зима, за ней весна и лето, и снова наступит осень, но это будет уже другая осень, эта же не повторится никогда...

На краю села работает бензопила, надрываясь в кашле, когда находит на сук. По соседней улице прогрохотал грузовик, на что в недовольном лае зашла собака.

Сорок шестая осень... Много ли их осталось, этих осеней?.. Считай, больше половины жизни прожито. Но жил ли он? И вспомнить-то особо нечего. С семнадцати лет мотался по шабашкам, изъездил всю Сибирь. Угробил на этих стройках всё здоровье, но домой возвращался с приличными деньгами, которые до следующего сезона успевал растратить по ресторанам. Весёлые компании, попойки, девушки... Ни дом не построил, ни учиться не пошёл...

Навыки, приобретённые на шабашках,годились. По сей день он живёт случайными заработками на стройках. А жизни — настоящей, полноценной — считай, и не было. Шутка ли, человеку сорок пять лет, а вспомнить из прошлого — чего-нибудь светлого, яркого — нечего, разве что пирушки и изнуряющий труд?! Женится поздно, трое детей мал мала меньше. Три девочки. Женится не по любви — дело шло уже к сорока, как раз появились деньги, и родственники сосватали. Нет, он доволен женой — жена ему попала добрая, покладистая, хозяйственная... И всё же... Какой-то искорки, что ли, не хватает? Нет любви. Может, дело в нём? Растратил на бурную молодость всю остроту чувств, очерствел, огрубел? А была ли она когда-нибудь, хоть единожды, эта острота чувств, влюблялся ли хоть раз до самозабвения? Чувствовал ли, что любим? Да и был ли?

Странно, в редкие минуты, когда мысли принимают такой поворот, память возвращает в дни раннего детства. Может, это потому, что вся

его жизнь прошла в мелочной суете, погоне за мнимым счастьем, сиюминутными удовольствиями — в общем, бестолково...

Маленький посёлок, затерянный в степи. Низенькие, невзрачные домики, чахлые деревца в палисадниках, жухлая трава. Небольшое двухэтажное здание интерната выглядит на этом фоне настоящим дворцом. Рядом расположена одноэтажная школа из белого кирпича.

— Ну, я поехал, — говорит отец, усаживаясь в подводу и берясь за вожжи. — Смотри не балуйся и слушайся старших. Я приеду на выходные.

Подвода, скрипя колесами, трогается. Редкие травинки, приминаемые колёсами, подрагивая, словно от боли, медленно поднимаются, но ещё долго стоят понурившись, как будто упрекая за незаслуженную обиду. Лошадь бредёт устало, лениво отмахиваясь хвостом от мух. Анзору хочется, чтобы отец хоть раз обернулся, встретился с ним взглядом, прежде чем оставить одного среди незнакомых людей, но он так и не оборачивается. Скоро подвода исчезает за поворотом. К Анзору подходит смуглая женщина с короткими волосами и берёт его за руку:

— Пойдём, малыш, пойдём!

Эта женщина понравилась ему сразу — добрая, приветливая, с излучающими свет глазами. Если бы не она, он заплакал бы, как только отец скрылся. Но он сдерживается, не желая показывать свою слабость. Она повела мальчика в комнату, в которой отец оставил его вещи, что-то долго объясняла своим бархатным голосом, из чего он почти ничего не понял, и ушла. Он подошёл к окну, долго наблюдал за играющими в мяч ребятами, оглашающими всю округу своими звонкими голосами, потом прошёл к своей койке и сел. Через некоторое время в коридоре послышались голоса, дверь открылась, и вошли три мальчика, чуть постарше его. В комнате стояло четыре койки, и Анзор понял, что они будут жить вместе. Заметив новенького, ребята смолкли, переглянулись, затем подошли к нему, и сначала один, за ним другие протянули ему

руки, что-то говоря. Анзор понял, что они знакомятся с ним, и протянул свою.

...Потекли дни, за ними недели. Плохое знание русского языка удерживало его от тесного общения с ровесниками. Соседи по комнате попались хорошие, что несколько скрашивало первые дни одиночества, кроме того, это помогало ему выучить новые слова. С русским языком как-то вообще вышел курьёзный случай. Он сидел за первой партой, ближе к двери. Прозвонил звонок, вошла учительница, поздоровалась и, оглядевшись, обратилась к нему с какой-то просьбой. Анзор встал, смущённо шмыгнув носом: он не понимал, что говорит Екатерина Кирсановна, но переспрашивать не решился. Единственное, что он понял, что нужно куда-то идти. Анзор молча вышел. Некоторое время он слонялся по коридору, потом вышел и, посчитав неудобным возвращаться в класс, отправился к себе, в интернат. Портфель позже занёс его одноклассник. Как оказалось, Екатерина Кирсановна просила его сходить в учительскую за мелом.

...Она была старше его на год. Короткие смоляные волосы, пухлые губы, белые ровные зубы и большие чёрные глаза, которые лучились задором. Начертив мелом квадратики на асфальте, они с подружками обычно играли

рядом, часто пропуская свою очередь. Они вместе гуляли по небольшому парку, разбитому за интернатом, ходили по тихим широким улочкам посёлка. Завидя их, поселковые ребяташки дразнили Анзора с Диной женихом и невестой, отчего он терялся и краснел, она же, звонко рассмеявшись, брала его за руку, и они шли дальше. Ему было с ней очень легко и хорошо. Он не понимал большую часть того, что говорила ему девочка, но они понимали друг друга и без слов. Кто она была по национальности, Анзор не знает до сих пор, тогда это не имело для него никакого значения. Он подарил ей свою самую ценную реликвию — волчий коготь, который носил на шнурке на шее (дома он потом сказал, что потерял). Это был подарок дяди. Дина же в свою очередь преподнесла ему одеколону «Наташа». Пузырёк был наполовину пустой, но от этого подарок не терял для него ценности. Всю жизнь потом запах этого одеколону ассоциировался у него с Диной, ароматом её волос и рук. Этот пузырёк, уже пустой, долгое время хранился у него в чемодане, и лишь несколько лет назад жена, перебирая вещи, выкинула его. Когда он стучался к ней, дверь обычно открывала Мадина, старшая сестра Дины, и, улыбнувшись Анзору, кричала в комнату:

— Дина, выходи, кавалер твой пришёл!

Иногда они ходили по магазинам, покупали лимонад, коржики, карамельки-подушечки и садились на скамейку у продавца. Заходили и в расположенный через дорогу промтоварный, но ничего не покупали: не хватало денег. Анзор заметил, что Дина бросает взгляды, полные восхищения и зависти, на юбку, лежавшую на прилавке. Юбка была красивой: красная с зелёной полоской внизу, с небольшим кармашком. Зайдя в магазин на второй день, без Дины, он справился о цене. Юбка стоила девять сорок. Таких денег у него не было. Он решил скопить эту сумму из денег, что выдавал отец на карманные расходы. К зимним каникулам необходимую сумму он почти собрал, не хватало рубля с копейками. В день, когда ученики должны были разъехаться, они долго молча бродили по заснеженным аллеям, словно предчувствуя, что расстаются навсегда. Грудь давило какое-то неведомое щемящее чувство, было тоскливо. Он уехал первым. Анзор долго, пока подвода не скрылась за поворотом, не отрывал взгляда от одинокой фигурки девочки, которая стояла и смотрела им вслед. Пушистые снежинки мягко опускались на непокрытую голову Дины и сверкали в ярких лучах солнца. После Нового года он не вернулся в интернат: отец отправил его в Чечню, к своему брату. Не помогли никакие уговоры и мольбы.

Он часто потом вспоминал Дину, её лучащиеся чёрные глаза, искрящийся смех... Сожалел, что так и не успел преподнести ей сюрприз, купить красную юбку с зелёной полоской внизу, с небольшим кармашком...

— Папа! Пап! — донёсся до него голос, прерывая размышления, и перед ним возникла его средняя дочь, Зарема. — Пошли, мама зовет пить чай.

Анзор улыбнулся, схватил дочь в охапку и, посадив на колени, стал целовать. Его щетина щекотала ей лицо, и девочка залилась весёлым смехом. ■